

СПЕЦЫПУСК

ОКТЯБРЬ/2018
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ КУЛЬТУРЫ

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

№10 (151)

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

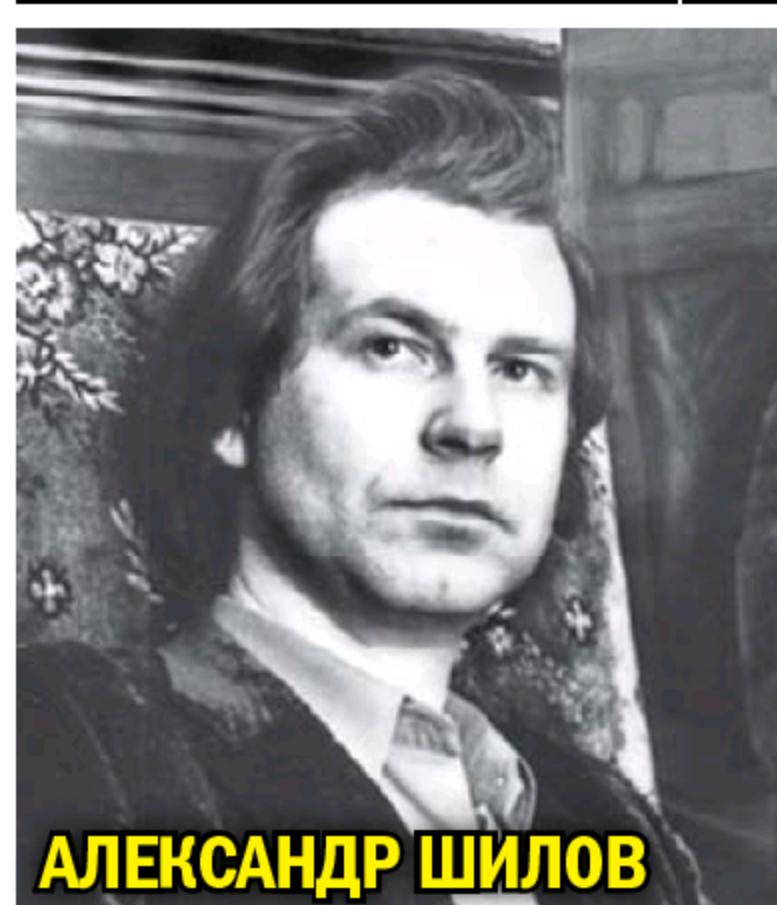
8

РОМАНС О ВЛЮБЛЕННОМ

СЕКРЕТЫ ТВОРЧЕСТВА

10

АЛЕКСАНДР ШИЛОВ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

16

ДАВИД ТУХМАНОВ

**Тамара
Сёмина**

**ЕЩЕ ЛЮБЛЮ
ЕЩЕ НАДЕЮСЬ**

ISSN 2070-884X

Секс-арсенал Катюши Масловой

Джульетта Мазина: «Я всю жизнь мечтала сыграть Катюшу Маслову, но, увидев ее в исполнении Тамары Семиной, поняла – так мне не сыграть никогда»

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно Секретно»

Из досье Тамары Семиной. Народная артистка России. Еще студенткой ВГИКа снялась в роли Катюши Масловой в «Воскресении» у Швейцера и сразу на международном кинофестивале в Аргентине получила главный приз «За лучшую женскую роль». На выпускных экзаменах потрясенная ее талантом Вера Петровна Марецкая восхлинула, обращаясь к коллегам: «Если бы у нас, товарищи, была восьмibalльная система оценок, я бы этой девочке поставила восемь с плюсом. Но у нас, увы, только пятибалльная!.. А ведь мы видели сейчас актрису с большим будущим...» Снималась в шестидесяти фильмах («Два Федора», «Все начинается с дороги», «Воскресение», «Коллеги», «Крепостная актриса», «Вечный зов», «Мать человеческая», «Трактир на Пятницкой» и еще пятидесяти двух). В Японии удостоена титула «Народное достояние Страны восходящего солнца». Лауреат такого количества призов за лучшую роль, что их число, по собственному признанию, сама и не помнит.

Интервью 1999 года

КАК СТАТЬ АКТРИСОЙ

– Тамара Петровна, какие вопросы вы не любите и обязательно проигнорируете?

– А мне скрывать нечего!

– Тогда расскажите: как провинциальная девочка из школы рабочей молодежи

– вашим учителем литературы был опальный, высланный в Калугу Булат Окуджава?

– произвела такой фурор во ВГИКе?

– С ума сойти! Подружка – совершенно случайно, за компанию – привела в драмкружок, я что-то прочитала. Преподаватель вдруг и говорит: «Девочка, тебе бы учиться!» Недолго думая, забираю документы из пединститута, занимаю сто рублей у соседки, пишу записку маме – мол, не ищи... И в Москву! А готовилась как! Басню я знала, но нужно было еще выучить одиннадцать строчек прозы... Закрыла глаза, ткнула пальцем в книжную полку и – какой ужас – «Молодая гвардия»! Мне бы надо про любовь, кинжал, страсть. А дальше началось очевидное-невероятное. В Москве села в первый попавшийся троллейбус и приехала к... ВГИКу, потому что заснула в троллейбусе, а это конечная остановка. У меня не взяли документы – был перебор, и прием закончился. Иду по коридору грустная, мятая, лохматая и думаю: завербуюсь-ка на Дальний Восток, рыбу ловить. А навстречу Ким Аташевович Тавризян – декан актерского факультета. Спросил, в чем дело, провел обратно в приемную комиссию: возьмите у этой несчастной документы, на нее же без слез смотреть невозможно. И взяли... Первое время в общежитии без матраса в уголке на полу спала. Кайф! Соседкиных денег почти не осталось. Я покупала большой батон, разрезала на тоненькие ломтики – ломтик на день и много воды. И все время искала объявления – завербоваться, чтобы денег заработать. Ну дура полная! А вступительный экзамен – это песня. Голосок у меня был тоненький-тоненький, писклявый-преписклявый. Поэтому «Осел и соловей» и те одиннадцать строчек, прочитанные к тому же скороговоркой, так рассмешили комиссию, что меня... приняли.

– И на первом же курсе разрешили сняться в «Двух Федорах» с Шукшиным, а три года спустя в «Воскресении» у Швейцера. Как он вас нашел?

– Именно разрешили, потому что съемки были под полузастрелом... А «откопала» меня его жена. Софья Абрамовна, потрясающий, гениальный художник, что-то во мне углядела и сказала Швейцеру: «Надо ее попробовать!» А перепробовались тогда все наши звезды, половина МХАТа. Потом осталось нас трое – уже гремевшие на весь мир Зинаида Кириенко, Татьяна Самойлова и я. Утвердили меня.

– Это правда, что после «Воскресения» не было отбоя от предложений на роли падших женщин?

– Да! Меня засыпали сценариями, где я должна была играть только пьянь и рвань. Открываю, например, сценарий «Донской повести» и читаю: «В сарае лежала красивая пьяная женщина. Подол ее платья был задран...» Швейцеры посоветовали: «Тебе сейчас надо сыграть роль своей современницы». И я поехала в Ленинград играть Арину в фильме Венгерова «Порожний рейс» с Юматовым, Папановым и Демьяненко.

ОДНОЛЮБКА СО СТАЖЕМ

– Расскажите о вашей первой любви.

– О, любовь! Четвертый класс. В меня безумно влюбился один мальчик, у которого был велосипед – по тем временам огромная редкость, а я безумно любила другого. А потом уже по жизни так случилось, что в меня все влюблялись. Я училась и работала. На романы просто времени не было. И ничегошеньки вокруг не замечала... А лет пять назад в Доме кино... Стоит Булат Шалкович Окуджава и Тодоровский Петр Ефимович. И Окуджава говорит: «Петя, как же я был в нее влюблен! Она моя ученица, и я – старый козел...» Петр

Ефимович тоже говорит: «Да кто ж в нее не был влюблен?! И я...»

– Один из слухов о вас: у Семиной тысяча и один бурный роман, сто и один муж, не считая мимолетных любовников...

– Может, и больше, не считала. Но это только в кино, в спектаклях. На самом деле вот уже сорок два года я люблю одного мужчину – моего единственного мужа Володю Прокофьевым, с которым мы вместе учились во ВГИКе и женаты со второго курса. Кстати, насчет слухов. Во время съемок «Воскресения» про меня кто-то из актрис сказал: «Думаете, почему именно она играет? Она со Швейцером живет!» И вот Швейцер в кадре как обычно подходит ко мне: «Так-так-так, детка. Это одерни – ручки худенькие вылезают... Томочка, спокойничек...» Поправляет кудряшечку – это такая репетиция у нас. А я ему: «Михаил Абрамыч, что вы со мной сююкаете, ей-Богу!» Софья Абрамовна подходит: «Деточка, что с тобой?» Я при всей съемочной группе: «Что вы заладили: «деточка, деточка! Я живу с Михаилом Абрамовичем, все об этом знают, и только вы все за деточку держите...» Она так смеялась! И больше никаких сплетен я не слышала...

– Тамара Петровна, как на духу... Вокруг вас всегда были такие роковые красавцы. Неужели никогда не влюблялись на съемочной площадке?

– Наоборот, в меня все партнеры влюблялись! Шукшин даже делал предложение. После съемок «Двух Федоров» ни с того ни с сего вдруг заявил: «Да брось ты этого интеллигента! Выходи за меня». Смешно. Так сказал, типа: «Том, хочешь арбузика?» А другой (не буду называть кто) все удивлялся: «Тамар, ни черта не понимаю. Все мои героини в меня были влюблены без памяти, что с тобой?» Потом про меня говорили: «С Томкой? Дохлый номер!»

– Трудно сорок два года любить одного человека?

– А как иначе, если он – неотъемлемая часть тебя.

ПЬЯНСТВУ – БОЙ!

– Правда, что был период, когда вы сильно пили?

– Я даже знаю, кто распустил этот слух, – его уже нет в живых. На самом деле лет двадцать я вообще не беру в рот спиртного. А напилась-то всего один раз. Семьдесят восмой год. Навалились неприятности. Козни, палки в колеса. В очередной раз сказали, что «Государственную премию ей не надо, у нее хороший характер – она не обидится». Звонят из Госкино: «Тамарочка, вот на этот раз точно – на «народного СССР» проходят Ролан Быков и вы». Ролан проходит, я нет. И так дразнили, издевались из года в год. Обидно – я такие роли играла, а награждают весь сердняк, даже на тех, кого я «породила», сразу звания посыпались, премии, хотя они просто фотографируются на экране, а актером там и не пахло. Вадька Спиридонов говорит: «Да пошли их к е... матери!» Я так и сделала, позвонила и открытым текстом... А потом взяла бутылку водки и... жутко напилась. Мне было так плохо, я так жалела: ради чего, себе же хуже сделала. С того дня капли в рот не беру... Тогда, кстати, у нас так очень многие поступали, и многие, к сожалению, уже не могли остановиться. Изольда Извицкая, Юрка Богатырев, Васька Шукшин, Марис Лиепа... А вот Жорка Бурков, которого по его ролям считали беспроблемным пропойцем, наоборот. Когда Васька умер, Бурков так перепугался – и пить и курить перестал. В последней картине, где мы с ним снимались, все говорил: «Том, ну что ты все куришь! Ты такая красивая, какого хрена тебе это надо, брось. Я два года уже не курю». «Вот, – отшучивалась, – здоровеньким и помрешь!» Пошутили. А он вскоре и умер. Что-то доставал с антресоли и упал, сломал крестец. Как мне потом хирург объяснил: Жоркин случай редчайший – один на несколько тысяч таких переломов. Нелепейшая смерть... Или Вадик Спиридонов, которого я без ума любила в «Вечном зове». В жизни мы дружили семьями. Трагедия Вадима в том, что ему много обещали и часто обманывали. А у нас как талант, так драматическо-трагедийная судьба! Все коллеги поют дифирамбы, но – заметьте – с каким удовольствием их хоронят. Когда Вадима хоронили, какие говорили слова: ушел гениальный артист и так далее. А умер-то он отчего? Он не выдержал ожидания. Пробовался на главную роль в каком-то белорусском фильме. Режиссер пробы привез к нему домой, чтобы его жена Валя и мама Зинаида Афанасьевна посмотрели. Валька мне тогда сказала: «Томочка, я знала, что Вадька потрясающий артист, но чтобы до такой степени... Это будет открытием в кинематографе, такой будет взрыв невероятный!» Вадим ждал, когда его утверят на роль, с августа по декабрь. Нервы на пределе. И он в конце концов сказал: «Да пошли вы все...» Когда через три дня пришла телеграмма с вызовом на съемки, Вадим пробежал ее глазами и... сердце не выдержало. А Михаил Кузнецов, который умер от того, что народного СССР не дали, а дали номенклатуре – Пуговкину. Сравнили: два притопа, три прихлопа – и Артист! Сдохнуть можно...

– Говорили, Спиридонов тоже...

– Почему никто не говорит, что Стайгер – алкоголик, Элизабет Тейлор – пьяница и наркоманка! Говорят только о наших. А сравните уровень жизни, гонорары. А Шаляпин не пил? Меня раздражают эти разговоры – пил-не

пил... Вот я — не пью, а обо мне говорят, что не просыпаю.

— Тамара Петровна, какая вы дома?

— Разная. И молчаливая, и веселая. Трудяга. То стираю, то пылесосю. Ничего не люблю делать, но надо. Ненавижу совершенно эту продовольственную корзинку наполнять, но тоже надо.

— Как и на что живет народная артистка России?

— У меня пенсия 421 рубль. Как я говорю себе: «А какого ей рожна еще надо!»

— А золото, бриллианты, фешенебельные квартиры, дача...

— Где вы живете!!! У меня никогда не было ни жажды накопительства, ни жажды шикарной богатой жизни. Живу скромненько, но в ногу со временем...

МЕЖДУСОБОЙЧИК

— Когда председателем Союза кинематографистов избрали Никиту Михалкова, многие ожидали позитивных перемен...

— Михалков — потрясающий художник, одаренный человек. Он всегда знает, чего хочет, про что снимает, кого любит, кого нет, от чего хотел бы избавиться. По сравнению с прежним председателем Союза Сергеем Соловьевым он больше на месте для такого масштаба адской работы. А потянет или нет —увидим...

— Что вы и ваши коллеги говорят по поводу очередного МКФ?

— Когда меня спрашивают: «Как вам кинофестиваль?» — отвечаю: «Какой такой кинофестиваль?» — «Двадцать первый, в Москве!» — «В какой такой Москве?!» А если серьезно, то все пллюются. Очередной между собойчик! А фильмы — просто оскорбление! Почему российские зрители, которые великолепно разбираются в кино, должны смотреть ЭТО?! Что неприятно поразило: практически никого из наших великих артистов даже не пригласили. Гениальной Инне Макаровой предложили балкон, двадцать шестой ряд. Ну ладно, Аллен Делон — почетный гость, а где наш Олег Стриженов?

«ДОЧА, ДУРА!»

— В юности у меня была мечта — сняться во всех республиках СССР по одной картиночке.

— ?!

— Просто так. Потому что я живу на этом кусочке Земли и всех люблю. Но так и не получилось... Вместо этого мне предлагали сниматься где угодно — в Италии, Аргентине, даже в Египте! Представляете, с моей мордой-то... Только немцам пришлося отказать два раза, потому что как раз в это время Швейцер начал снимать в Керчи картину «Время, вперед!» по Катаеву. «Дефа» готова была присыпать за мной самолет в Керчь. Но я настолько безумно была благодарна Михаилу Абрамовичу за то, что он так по-крупному меня родил на экране в «Воскресении», что никогда бы ему не изменила... Кстати, Николай Афанасьевич Крючков после моего второго отказа отругал: «Доча, дура! Поехала бы, заработала денег, люстру бы себе купила!» А когда приглашали на съемки в капитаны, я даже рта не успевала открыть — всегда рядом со мной вдруг вырастал человечек в штатском и говорил: «Она сниматься не может, так как страшно занята на Родине».

«ЧЕРНЫЙ СПИСОК»

— Василий Ливанов, с которым мы знакомы еще с юности — вместе снимались в «Коллегах», всегда говорил: «Ты совершенно нераскрыта актриса...» Я и сама знаю, что и доли того, что умею, не сыграла. И даже знаю почему. Кое-кому не угодила. Кое-кому очень нежно и мягко, но отказалась.

— Предложение было, разумеется...

— ...банальным — переспать! Но у меня другая профессия... На мой отказ мне обычно говорили: «Не боишься, что ты не будешь играть ни в кино, ни в театре?! Просто тихо исчезнешь, и тебя

«БЕЗОТЦОВЩИНА». С ЛЕОНИДОМ КУРАВЛЕВЫМ

забудут...» Я рассуждала так: я человек маленький, кому надо из-за меня затевать возню масштаба Госкино и Союза театральных деятелей? Оказалось, надо. После восемьдесят первого года я стала ощущать, что действительно мстят. Приглашают на главную роль в Киев, неделями уговаривают: «Только приезжай, будешь жить как королева...» Соглашаюсь. И вдруг они исчезают, а через месяц узнаю, что вместо меня уже играет другая актриса. И все повторяется — раз, два, три, четыре... И я понимаю, что все это неспроста. Позже я узнала, что существует негласный «черный список», и довольно большой. Я же не одна такая — отказница...

— Какого уровня люди решают судьбу всемирно любимых актеров — режиссеры, чиновники Госкино?..

— Куда выше. Режиссер, чиновник — лишь исполнители. Несколько лет назад мне надоела эта травля, я позвонила одному... мне говорят: умер. Позвонила еще двоим — тоже сдохли. Думаю, как же мощна машина, если их уже нет, а по инерции ничего не меняется... Самое обидное во всей этой истории, что слишком быстро бегут годы. Как говорит мой муж: «Лег, встал — с Новым годом!» И полна сил и, как говорится, юношеского задора, готова работать двадцать четыре часа в сутки, но-но-но...

Только у крышки гроба услышишь: «Ой, кто же от нас ушел! Кого мы потеряли!!!» Какого хрена не давали при жизни?! Кто мешал играть и быть звездой мирового масштаба Майей Булгаковой? Кто? Я пришла на панихиду в белом зале Дома кино, потихонечку к Майке подошла и говорю: «Май, приготовься! Сейчас будет самый лучший твой творческий вечер. Умоляю, не рас смейся!» Лариса Шепитько ее вознесла, единственный режиссер, который дал ей главную роль в фильме «Крылья». А как она сыграла!!! Вообще все ее знали как удивительную актрису. Но и она посыпала всех будь здоров. Как она пела, какая там, к черту, Эдит Пиаф. Если бы ей дали запеть с экрана, Пиаф на родине называли бы французской Майей Булгаковой. Такого драматизма, такого трагизма актриса — глыбина. А что она делала у нас в кинематографе? Вечно плачущая, скучающая тетка или юродивая. И так из картины в картину. Она говорила: «Да хрен с ними! А жить-то как-то надо...»

— Недавно — к семидесятилетию Василия Макаровича — его дочь Маша сделала

ла сенсационное признание: ее отца убили. Что она имела в виду?

— Понятия не имею. Несколько лет назад сама Лидка Федосеева — не Федосеева-Шукшина, а именно Федосеева — намекнула с экрана телевизора: не все в его смерти просто, как кажется, это, мол, и экстрасенсы с ясновидящими подтверждают. Ну просто бред полный! Не знаю, может, оправдания для очищения своей души ищет. Она ведь безумно виновата перед ним. Бросить больного человека!..

— Вам повезло — у вас были потрясающие партнеры.

— Почти все! Художники от Бога. И Массальский, и Баталов, и Женев, и Джигарханян, и Соломин, и Павлов, Юрукский, Леонов, Ливанов, Филиппов... Жора Юматов — талантливец, красавец, трудяга, Саша Демьяненко, просто ангел, прелест, Валька Зубков в «Дне счастья». Можно долго перечислять. Из женщин — Георгиевская... А Лизочка Никишихина, Лизунчик — вечная ей память.

Я знала только двух актеров, на которых взглянешь — и можно упасть от смеха, — это Евгений Леонов и Сергей Филиппов. Люди чрезвычайно одаренные и добрые. И им хотелось, чтобы и на съемочной площадке всем было весело и хорошо. С Евгением Павловичем мы работали в картине «Еще люблю, еще надеюсь». Какой был ансамбль! Леонов, Евстигнеев, Борис Новиков, Невинный... Славка Невинный играл моего мужа, а Евстигнеев — любовника. Серьезный фильм, поздняя любовь. А мы все время от смеха стояли на ушах. Вся съемочная группа просто валяется, операторы не могут работать — держатся за животы. Бедолага режиссер Лырчиков говорил: «Ну давайте снимем хоть что-нибудь». И снимали. В кадр входили и тут же рыдали. Нормалек. Самое смешное было то, что Новиков играл пьяницу, а Евстигнеев человека совершенно непьющего. Хотя в жизни все было наоборот. Новиков был жуткий трезвенник, а Евстигнеев, не пропустив рюмашку-другую, на съемочную площадку не выходил...

ТАМАРИН «РОДДОМ»

— Вы часто совершаете сумасшедшие поступки?

— Как-то не задумывалась. Это потом говорят: ты что, ненормальная? Я,

например, отказывалась от таких ролей, что у моих коллег волосы дыбом вставали: актрисы мечтают о них всю жизнь, а Семина ни в какую. В свое время я отказывалась от трехкомнатной квартиры, взяла двухкомнатную. Посчитала, что трехкомнатная кому-то важней, чем нам вдвоем с Володей. Тоже говорили: с ума сошла... Помогала людям, вытаскивала на эконы, просила режиссеров: «Пусть вместо меня сыграет эта актриска! Ей так плохо, ее никто не снимает...» Ни одна потом не сказала «спасибо». Многих я просто «породила». Например, Людмилу Чурсину. Я отказалась от «Донской повести», «Журавушки», «Угрюм-реки». А потом на «Мосфильме» мне передали ее слова: «Семина опять, конечно, отказалась, значит, сниматься буду я!» Иногда встречаемся на фестивалях, раскланиваемся, не более...

СЮРПРИЗ ДЛЯ СОРТИРА

— Что означало в советские времена получить приз за лучшую роль?

— А ничего! Почетная грамота. Некоторые актеры потом говорили: туалет, что ли, ими обклеить... А в денежном эквиваленте — ноль. Только спустя много лет я, например, узнала, за первый приз на любом международном кинофестивале каждому актеру выплачивалось вознаграждение — кругленькая сумма в валюте. Понятия не имею, куда уходили наши деньги. Но тут еще другое: ни один из наших актеров, уезжая в те годы за границу, никогда даже и не думал о каком-то денежном вознаграждении. Все были безмерно счастливы, что они представляют свою страну своими лучшими картинами... А фильмы шестидесятых были действительно хорошие — добрые, человечные, простые.

— Рассказывают, что на международном кинофестивале в Аргентине вас носили на руках, забрасывали цветами...

— И не только в Аргентине. И в Италии, и в Бразилии, и в Египте, и в ГДР... Мы не знали языка, но мы понимали друг друга. Как? Это не объяснишь. Помню, в Бразилии, куда мы ездили вместе с Баталовым, жена президента спросила у Леша: «Почему у русских такая тихая любовь?» А Баталов, который ездил туда с «Дамой с собачкой», отвечает: «Вы посмотрите на Тамару, какая у ее Катюши любовь! Все ваши Кармены ей даже в подметки не годятся...»

В Италии познакомилась с Федерико Феллини, чуть позже и с Джульеттой Мазиной. Она мне подарила свою фотографию с надписью, полной бурных воссторгов по поводу встречи «с такой актрисой». И сказала: «Я всю жизнь мечтала сняться в роли Катюши Масловой, но, увидев вас, даже не мечтаю. Потому что все равно лучше не сыграю...»

МОГУ ПОСЛАТЬ...

— Вы женщина резкая. Наверное, у вас много врагов?

— Наверное, и это очень хорошо. Могу послать запрос. Правда, делаю это интеллигентно, мягко. Однажды пришлось отправить куда подальше целую приемную комиссию райкома партии. Как известно, в те годы, чтобы поехать за границу, вы должны были пройти собеседование. Вопросы — караул! «Какие там полезные ископаемые?» «Какие реки протекают?» «Кто у власти?» Ощущение, что перед тобой группа сумасшедших. Ну, однажды не выдержалась — сорвалась...

— Выпустили?

— Тогда, как ни странно, да. Невыездной я стала чуть позже, когда в одной из поездок отказалась пересесть с кагэбэшником, который был к нам приставлен, а тот настучал куда следует: Семина вела себя не как должно посланнику страны победившего социализма — восторгалась достижениями врагов... А этого не могло быть по одной причине: как там себя вести, меня инструктировала лично Изольда Извицкая. Мы в Париже спускались по трапу самолета, и

первое, что она произнесла, вдохнув парижский воздух: «Паразиты, как же они загнивают!» Мы бродили по улицам, глазели на витрины, и она, красавица, не меняя этой своей улыбки очаровательной, говорила: «Разве это легкая промышленность?» Все эти слова предназначались мне, чтобы я — не дай Бог — не прокололась, не показала своего восторга. Мы должны были или ругать, или делать вид, мол, подумаешь, все самое лучшее у нас. А на самом деле мы сходили с ума от всего, что видели, начиная с обыкновенной косынки, не могли оторвать глаз от известной на весь мир парфюмерии. Я уж не говорю о нашем многострадальном женском белье!

ЕЕ СЧАСТЬЕ

— Год на год не похож, и трудно что-то выделять. Пожалуй, самая-самая счастливая пора, когда я работала с Хейфицем. Фильм назывался «День счастья», и сам режиссер потом признавался, что сколько бы он ни снимал картин, только эта целиком и полностью соответствует названию. У нас тогда «день счастья» был изо дня в день. И когда съемки закончились, я сказала Хейфицу: «Завтра вы не скажете: Сема, до завтра. Мне так хотелось бы, чтобы «День счастья» продолжался бы вечно». Он ответил: «Сколько бы я ни снимал, впервые в жизни у меня точно такое же счастье...» А «Крепостная актриса» — это беганье в белых тапочках, прыганье с кареты, по пояс в снегу, зима двадцать девять по Цельсию, а я в капроновых перчаточках, эта красавица музыка, прекрасный Павловский парк под Ленинградом... Прелест! А какое счастье находиться на площадке с любимыми партнерами! А картина Лени Головни «Матерь человеческая» по повести Виталия Закруткина! Семьдесят четвертый год. Мы снимали ее в Вешенской с сентября по февраль, и все это время я была в грязном рваном ситцевом плаще... Ползала по всей станице, и все, что было на земле, все было на моем теле — вся в занозах, ссадинах, кровоподтеках. Ко мне была приставлена медсестра, она меня растирала спиртом, вытаскивала «бревна» из моего тела... Сначала художник рисовал раны, через неделю были уже свои, натуральные — ногти изодраны, ноги, руки — кровавое месиво... Что интересно, я не чувствовала ни боли, ни холода... Наступила зима, и я бегала босиком по снегу, купалась в Дону в лютый мороз, рядом все в тулунах и валенках, шапках-ушанках... А мне болеть нельзя — монофильм, замены никакой. Самое смешное, что даже ни разу не простудилась. Вся съемочная группа чем только не болела — и ангиной, и гриппом, а Пятровна, как меня звали там, в Вешенской, па-ашла в кадр.

— Говорят, местные казаки и казачки даже грозились режиссера убить...

— Да, так и говорили: «За яйца подвесим на столбе, будет знать, как Пятровну обижать...» Оберегали меня — со всех станиц везли мед, всякие снадобья лечебные, народные. Как вынесла, не знаю. Потом бывалые люди говорили: «Это у тебя был «окопный синдром». Во время войны разведчики наши неделями лежали в засадах, не шевелись. И никогда у них не было ни воспаления легких, ничего». После съемок ребята позволяли себе, естественно... А когда их ругали, отвечали: «Да глядя на нее, не то что выпьешь, а запьешь, к чертовой матери!»

Моя героиня была, скажем так, немнога не в себе, потому что действие картины начинается с того, что немцы, вошедшие в хутор, повесили на ее глазах мужа и маленького сына. Она, беременная, спасается чудом: бабы вытолкали ее — беги, спасайся ради того дитя, которого ты носишь под сердцем. И она в таком полу-сумасшедшем состоянии убежала в заросли кукурузы...

— Подушку подкладывали?

— Да, перешивали по мере взросления «плода». Перед съемками я спрашивала костюмеров: «Где мой живот?» А в других картинах — я ведь часто снималась «беременная», и Катюша Маслова в «Воскрес-

ТАМАРА СЕМИНА И ВАСИЛИЙ ШУКШИН В ФИЛЬМЕ «ДВА ФЕДОРА»

ВНИЗУ: «ТРАКТИР НА ПЯТНИЦКОЙ». С КОНСТАНТИНОМ ГРИГОРЬЕВЫМ

сением», и Анфиска в «Вечном зове», и других — заходила в гримерную: «Где мой секс, где моя красота?» Смеялись все жутко. Счастье...

— Кстати, о сексе. Вам приходилось сниматься в эротических сценах?

— А зачем? Мне и моим партнерам никаких этих механических движений взад-вперед, вверх-вниз не надо было делать. Нам надо было влюбить в себя зрителя, а не демонстрировать свои прелести. Глаза, голос, пластика, мизинец — вот весь

наш секс-арсенал. И у зрителя уже мураски по коже... Он видит — вот она, настоящая любовь... И потом, кино, театр — не пляж и не сауна, где надо раздеваться.

— Последний вопрос: куда вы все-таки исчезли?

— Никуда я не исчезала. Играю в Театре киноактера, снимаюсь в картинах, которые так и не выходят на широкий экран, читаю сценарии фильмов, в которых никогда не буду сниматься. Жду режиссера. И мечтаю сыграть Медею...

Сергей ЮРСКИЙ: «Тамара Семина не годится в звезды. Потому что она не звезда, а истинная актриса. А значит, времени не подвластна. Звезды гаснут быстро, а Семина — явление серьезное».

Василий ЛИВАНОВ: «Семина — отрадное человеческое явление. Это редчайший тип актрисы, несущий высокие традиции русской актерской школы».

Трофейная женщина Виктора Ерофеева

...Она живет в маленькой модной квартирке в самом центре Западного Берлина, на последнем этаже старого дома. С балкона открывается романтический вид на бесконечные крыши, ступеньками уходящие в небо. Мы пьем чай из чашек тончайшего фарфора. В вазочке сочится сладостью восточное печенье, привезенное хозяйкой из командировки. Габриэле Ридле чуть за сорок, у нее лучистые глаза, как у толстовской княжны Марьи, стройная фигура и авангардистские серьги в ушах. Она довольно известная в стране журналистка, ее статьи охотно печатает респектабельный «Гео» и другие крупные журналы.

Елена СВЕТЛОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Состоялся писательский дебют Габриэле Ридле, сразу замеченный литературными критиками. Книга «Река» (Aufbau-Verlag, 1998) написана ею в соавторстве с известным русским писателем Виктором Ерофеевым. Ведущие журналы страны сразу откликнулись на появление русско-немецкого романа.

Но читатель, купивший новый роман скандально известного писателя Виктора Ерофеева в шокирующей суперобложке, с философским названием «Пять рек жизни» и претенциозным подзаголовком «Заря нового откровения», будет разочарован, узнав, что автор «Русской красавицы» и других откровенных произведений выпустил книгу с купюрами. Впрочем, этот акт справедливее назвать ампутацией, поскольку в российском издании («Подкова», Москва, 2000) осталась примерно половина от романа, изданного в Берлине.

«МЫ СОБРАЛИ ВЕСЬ МУСОР МИРА»

Внешне композиция книги незатейлива. Эксцентричная парочка, путешествуя по пяти крупнейшим рекам мира — Волге, Рейну, Гангу, Миссисипи и Нигеру, — в два голоса, без всякой строгой очередности, рассказывает о своих впечатлениях и чувствах. Но внутренний мир книги необычен: он сентиментален и безжалостен, весел и грустен, поэтичен и груб. Он и Она, русский и немка, писатель и журналистка, Восток и Запад, мужчина и женщина — авторы и герои одновременно, их отношения между собой и остальным миром составляют главную интригу романа.

Свой выбор спутницы и, как оказалось, соавтора Виктор Ерофеев в романе мотивирует так:

«Кого взять с собой? Простор для материализации. Но страшно беден женский интернационал!»

Итальянки восторженны и доброжелательны, однако, на русский пришур, уж слишком хрупки и законопослушны. Бывает, покажешь итальянке фальшивый доллар, и она тут же падает в обморок. Американки, напротив, не хрупкие, но они составлены из далеких понятий. Польки слишком брезгливы по отношению к России. Француженки — категоричны и неебливы. Голландки — мужеподобные муляжи. Шведки — малосольны. Финки, прости Господи, глупы. Датчанки — отличные воспитательницы детских садов. Швейцарки — безвкусная игра природы. Правда, я знал трех-четырех ислан-

МОЖЕТ, ЛЮБОВЬ И ОКРЫЛЯЕТ, НО ДЕЛУ ОНА ПОМЕХА

док, которые не пахли рыбным жиром, но это было давно. Австрийки сюсюкают. Норвежки, венгерки, чешки — малозначительны. Даже странно, что им отпущено столько же мяса, костей и кожи, как и другим народам. Болгарки и гречанки старятся на глазах. Не успеешь отплыть от берега, как они уже матери-героини. Испанки — кошачий водевиль. А португалки — вообще непонятно кто.

Давно замыслил я взять с собой одну англичанку из Лондона, но она замужем и перестала звонить.

Конечно, можно поплыть и с русской дамой. (Держись, читатель! — Е.С.) Но зачем? Много курит, ленива, окружена пьяными халялями, которых жалеет от оттопыренной губой, но после бесконечного выяснения отношений, уличенная в очередном обмане, она обязательно предложит родить от тебя ребенка.

Путешествие с русской дамой — путешествие в путешествии. Двойной круг забот. К тому же нечистоплотна. К ней липнут басиллы, тараканы, трихомонады. У нее всегда непорядок с месячными».

Так с кем же плыть по Волге? Дав краткие, но емкие характеристики женскому

интернационалу, русский писатель выбрал немку, «берлинскую журналистку, ни хрена не смыслящую в России, но зато ироничную дочь андеграунда с дешевыми фенечками, голубыми, как русское небо, ногтями, рабыни фантазмов с экстремистским тату на бедре». Именно с немкой, «склонной к неврастении, к мучительной обязательности Германии», так упоительно идти против течения.

«Фрайляйн Германию», «Гитлерюгенд», «фрау Абер» (фрау Но) или просто Габи интеллектуальный знаток женщин тоже не ссыпает комплиментами. Во всяком случае, она не очень похожа на музу в привычном значении этого образа.

Познакомились они около пяти лет назад. Габриэле работала редактором в гамбургском еженедельнике «Die Woche», когда ей в руки случайно попал материал за подпись Виктора Ерофеева. Она позвонила автору, и между ними началось довольно милое и интенсивное телефонное общение.

— Я не знала, как он выглядит, но мне очень нравился его голос, а ему — мой, довольно низкий от природы, — смеется Габриэле, — поэтому воображению Вик-

тора представлялась материальная редакторша, лет шестидесяти, толстая, курящая и пьющая. Потом я переехала в Берлин, и когда мне предложили написать статью о выставке сокровищ Приама, открывшейся в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина, долго не раздумывала. Я никогда не сталкивалась с Россией, эта страна казалась мне бесконечно далекой. Мне хотелось найти новый поворот в теме трофеиного искусства. Все-таки это русско-немецкая проблема, поэтому я позвонила Виктору. Он сразу согласился встретиться, что ему совершенно несвойственно, так как обычно он отказывает журналистам, ссылаясь на занятость. Мы договорились, что он подъедет к моей гостинице на «вольво» голубого цвета, со своим шофером. «О, черт! Как жаль!» — подумала я, увидев пассажира — неприглядного мужчину с золотыми зубами. Но это был водитель, а Виктор, как оказалось, сидел за рулем.

...Они гуляли по набережной, часами пили чай, много разговаривали, удивляясь мгновенно появившемуся взаимопониманию. На другой день вместе побывали на выставке трофеиного искусства. И в самолете Берлин — Москва Габриэле сидела с заплаканными глазами, чувствуя, что безнадежно влюбилась с первого взгляда.

Тем же вечером он позвонил: «Может быть, хочешь со мной попутешествовать? Я пишу книгу «Энциклопедия русской души» и думаю съездить в деревню. Или тебе интереснее побывать на Волге?» «Посмотрим, — осторожно ответила она. Ей меньше всего хотелось быть его музой. — Может быть, напишем что-нибудь в соавторстве?» «Увидим», — сказал он.

В мае, во вторник, в берлинской квартире Ридле раздался телефонный звонок из Москвы. «Ты не можешь в четверг быть в Москве? — спросил Виктор. — Я был в Союзе журналистов и случайно узнал, что планируется круиз по Волге». Габриэле мгновенно загорелась этой авантюрной идеей, хотя у нее не было ничего: ни визы, ни билета, ни задания редакции. Все решила встреча с главным редактором журнала «Zeit», который поддался бешеному напору журналистки и согласился финансировать первый российско-германский писательский проект.

Как бы то ни было, за двое суток она успела сделать невозможное и в четверг была в Москве, а вскоре теплоход, набитый журналистами, уже отплывал от пристани. Речной круиз длился десять дней, и, благим намерениям вопреки, Габриэле совершенно не хотелось работать. Может быть, любовь окрыляет, но делу она помеха. «Я безумно влюбилась в Виктора, начиндалась рискованная игра под названием «русская рулетка», — признается Габриэле.

Они расстались, оговорив структуру будущего очерка. О книге в тот момент речь еще не шла. Габриэле писала свои

ГАБРИЭЛЕ РИДЛЕ И ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

строки в Берлине, Виктор — в Москве. Текст был напечатан в журнале «Zeit» и имел большой успех. Начало было положено, продолжение последовало. Волгу смыли Рейн, и в этом таился особый исторический смысл. Идея продолжить путешествия и написать книгу возникла случайно. Знакомый, которому Габриэле рассказала об опыте соавторства с русским писателем, восхлиknул: «Класс!» — и взял на себя функции литературного агента в Германии. Необычным проектом сразу заинтересовалось крупное издательство. Был подписан договор. Поездки на Ганг и Нигер финансировала одна радиостанция, круиз по Миссисипи оплатил все тот же журнал «Zeit». Без личных связей Габриэле Ридле в средствах массовой информации российско-германский проект никогда бы не состоялся. Интеллектуально-любовная затея обошлась в кругленькую сумму порядка 70 тысяч марок.

— Виктор предупредил тебя о русском варианте книги?

— После того как рукопись была подготовлена к изданию в Германии и оставались только последние штрихи, Виктор сообщил мне, что книга выйдет в России, но без моего текста. Я до сих пор не понимаю, почему он так сделал.

— Какой была твоя реакция?

— Я испытала шок. Когда в поезде Берлин — Париж он между делом коснулся этой темы, мне захотелось его избить. — Габриэле показывает мне часы с треснувшим стеклом циферблата. — Я хотела выйти из поезда на первой же станции.

— То есть вы чисто теоретически никогда не обсуждали возможность публикации ваших авторских частей как самостоятельных романов?

— Мы никогда не говорили о том, что роман можно разорвать на две части. Чисто технически такое возможно, но с художественной точки зрения просто немыслимо. Соавторство — не математическое сложение, когда один плюс один дает в сумме два, а творческий акт. Больше всего меня злит, что сам Виктор на многочисленных чтениях романа в Германии с гордостью говорил о революционной новизне этого произведения двух авторов.

— В чем он видел революционность?

— А в том, что в этом романе мы наблюдаем «смерть автора». Я даже запомнила это выражение по-русски. Правда, книга подписана двумя именами, продолжал Виктор, но текст — это река. Общее произведение уже не имеет автора. Обычно писатель — это король, Бог, своего рода директор цирка, дрессировщик, который повелевает: сейчас из правой клетки выбежит лев, а из-за кулис появится принцесса, и в этой точке они обязательно встретятся. Так и автор может все, ведь в его руках «кнут». О

нашей книге этого не скажешь, потому что нельзя сказать, что будет дальше. У соавтора нет власти. И каждый раз Виктор преподносил это как грандиозный революционный акт. И благодарная публика восхищенно стонала: «О! Смерть автора! Супер!» В России произошло совсем другое.

— Но как сам Виктор объяснял тебе свой поступок?

— По-разному. То он говорил, что у издательства нет денег на перевод, то уверял, что, поскольку меня в России все равно никто не знает, проект будет неприбыльным. Когда мы писали книгу, Виктор не считал, что я пишу ужасно. Да, ему, как и большинству мужчин на его месте, вероятно, не понравилась сцена в борделе, где он предстает в довольно жалком, ущемляющем его достоинство виде. Но наша игра заключалась в том, что позволено все.

— Сцена в дешевом борделе, где ты купила русскому писателю на день рождения трех тайских проституток, впustую растративших свой пыл стоимостью пятьдесят марок, придумана?

— Мы с Виктором знаем, где в романе реальность, а где литературная версия.

— Ты действительно заболела в Африке малярией и французский врач лечил тебя посредством эротики?

— История с малярией — правда. В Африке мы путешествовали по безлюдным местам, и мне повезло заболеть в городе, где мы были всего один день. Иначе «смерть автора» случилась бы на Черном континенте. Что касается доктора, то он француз, а все остальное — фантазии.

— А в чем тебе видятся причины безжалостной ампутации вашего романа?

— Может быть, это просто месть. Например, за то, что Виктору приходилось у меня самому мыть посуду. — На Габриэле нападает приступ смеха. — На самом деле не исключено, что это вопрос авторского и мужского тщеславия. Он увидел во мне конкурентку, к тому же женщину, которая пишет отнюдь не хуже и не менее мужественно, чем он, и испугался за свою писательскую репутацию. Кроме того, звезде лучше светить в одиночестве, тогда она ярче. Большинство поп-звезд и исторических личностей одиноки. Тот же Майкл Джексон женился, чтобы обзавестись потомством. Гитлер соединился с Евой Браун перед смертью.

— В романе очень много фантастического вымысла, причем порой он так искусно перемешан с реальными событиями, что отделить одно от другого почти невозможно. Многие пассажи Ерофеева в отношении тебя не комплиментарные. Не обидно было?

— Нет. Я не считаю, что, к примеру, Габи — это я. Меня так никто не называет. Я знаю, где фантазия, а где реальность. Многие истории в книге полностью выду-

маны. Это литература, а не протокол. Речь не идет о конкретных людях. Но могу тебе сказать, что у меня нет на бедре экстремистского тату и топлес я танцевала не вочных барах Западного Берлина, а на сцене театра имени Шиллера. В этой книге мы собрали весь мусор мира, клише и антиклише и устроили большую стирку.

— Как складывались твои отношения с известным писателем? Судя по произведениям Виктора Ерофеева, женщины для него — просто функции, а сам он — российский вариант мачо.

— Слабая по натуре женщина вряд ли выдержит общение с таким мужчиной, она обидится на него через три секунды, а ему через три секунды это надоест. Я тоже мачо, только в женском обличье. Мы были равноправны. Мне с другими мужчинами скучно, мне нужен больший калибр. Я такая же наглая, как Виктор. Не отличаюсь заниженной самооценкой. Пользуюсь успехом, хорошо пишу и не стесняюсь говорить об этом вслух. То, что я тебе об этом рассказываю, уже что-то значит, хотя и у меня есть масса проблем. Конечно, с Виктором было не очень просто. С ним никогда не знаешь, что будет через час. Он непредсказуем, на него нельзя положиться. Он способен предать тебя в любой момент. Если бы африканский король в обмен на тайны вуду возжелал его женщину, Виктор отдал бы не задумываясь. Ему нет равных в стратегии лавирования, он умеет уходить от ответа на четко поставленный вопрос. В то же время Виктор — один из интеллигентнейших людей нашего времени, человек европейского уровня, и я, воспитанная в другой культуре, ощущала с ним необыкновенную духовную близость.

— Виктор Ерофеев считает себя великим писателем?

— Величайшим. Но он не должен скромничать. Хотя мне его слава безразлична. Для меня важно другое — литературный талант. Три талантливые фразы в рукописи — уже повод влюбиться. Это никак не связано с положением в обществе. Мой бывший муж был адвокатом, но его квалификация меня не занимала. А писатель должен быть хорошим, я сама занимаюсь этим делом и знаю в нем толк.

— И все же русские мужчины отличаются от немцев?

— Они слишком сложные. Чего я не понимаю в русских мужчинах, так это их поразительной привязанности к родителям. Ваши мужчины до девяноста лет остаются маменькиными сыночками. Мы с Виктором вынуждены были на день раньше вернуться из Индии, поскольку Восьмое марта он непременно должен проводить со своей мамой. Я умирала со смеху. Может быть, это совсем неплохо, когда до старости сохраняется тесная связь

с семьей. У нас это исключено, дети прощаются с родителями в семнадцать лет.

— В романе Виктор Ерофеев называет тебя дочерью слесаря. Разное социальное происхождение не создавало проблем?

— Мой отец не был слесарем, но не в этом дело. Мои родители были совершенно необразованными людьми. Моя мама умерла, а отец не разговаривает со мной уже несколько лет. Если бы он знал, какие книги я пишу, но он не заглядывает в книжные магазины. Мой отец был уверен, что в семнадцать лет я окажусь в борделе.

Виктор из семьи дипломата. Его отец одно время работал личным переводчиком Сталина, потом был послом в Париже и Вене. Виктор ел икру ложками, его баловала бабушка. Он приобщался к искусству, культуре. За ним всегда была его семья, он ощущал надежный тыл. А мне приходилось самой платить за уроки и учиться, как вести себя за столом. Виктор считает, что многие наши проблемы связаны с разным воспитанием.

— Ты, как сегодня говорят, сделала себя сама?

— Как сказал Виктор, я — та, про кого говорят self made. Но это приводит к конфликтам, поскольку, с одной стороны, ты очень сильный человек, а с другой — неуверенный, так как знаешь: может произойти что угодно, если однажды не хватит сил. В Германии есть такие женщины, как я, но их всего два процента. Я происхожу из мелкобуржуазной среды, из Штутгарта. Штутгарт хуже остальной Германии, это затхлый мещанский город, но именно в нем родились известнейшие террористки. Ульрике Майнхоф из этих мест, Гудрун Энслин вообще училась в моей гимназии.

— Твой отец участвовал в войне?

— Родился он на пять лет раньше, был бы нацистом. А так он успел только в гитлерюгенде. Он иногда вспоминал о прекрасных играх на свежем воздухе. Мой дед воевал в Сталинграде в войсках СС, потом охранял концлагерь. Больше ничего об этом не знаю, в семье эти темы были табу.

...Когда дедушка Ридле штурмовал Сталинград, бабушка Ерофеева голодала в осажденном Ленинграде. Их внуки встретились в России, и тема русско-немецкого прошлого не могла оставаться в тени. Почти сразу русский сообщил немке, что его назвали Виктором в честь победы над Германией.

«Ее дедушка с моей бабушкой взирали на нас с небес. Дедушка, по-моему, недоволен и бормотал, что русским нельзя доверять, зато моя бабушка, как мне показалось, гордилась мной. Когда мы встали, отряхиваясь, немка призналась, что ее до сих пор ни разу не били во время любви». (Из главы «Исторический оргазм на Волге в Сталинграде»).

— На Волге мы часто говорили о войне, — рассказывает Габриэле. — О русских солдатах в Германии и о немецких — в России. Порой эти разговоры перерастали в жесточайшие дискуссии. Исторический конфликт между нашими странами до сих пор незримо присутствует в душах и ведет, в свою очередь, к разногласиям между близкими, даже любящими людьми. Вообще споры на политические темы были не редкостью в наших отношениях. Порой доходило до смешного. Виктор не хотел спать в моей постели, потому что над ней на стене висел портрет Ленина — подарок моего друга из ГДР, не коммуниста, кстати. Виктор говорил, что я «старая левая». Мы спорили о Пиночете, о чем угодно и могли по три дня не разговаривать друг с другом.

— В интервью журналу «Штерн» ты сказала, что разделась в этой книге. Имелось в виду обнажение души, но, как оказалось, не только. То же интервью иллюстрирует очень стильная фотография: двое на фоне реки. Он — застегнутый на все пуговицы, руки в карманах, она — голая, в длинном пальто нараспашку. В русском издании этот портрет на обложке. Преступник и жертва? Охотник и трофей? Писатель и муз? Виктор Ерофеев и Габриэле Ридле. Как ты решилась на этот смелый поступок?

— Я довольно известная журналистка в Германии. Еще до публикации фотографии в «Штерн» мои друзья предупреждали: «Боже мой! Ты сошла с ума! Это опасно! Твоя репутация серьезной журналистки поставлена на карту!» Когда номер журнала вышел, разразился скандал. «Это ужасно! Зачем она это сделала?» — поражались коллеги, но потом сходились в одном: все-таки Ридле хорошо пишет. Но у фотографии есть предыстория. Двадцать лет назад двадцатилетней девушкой я танцевала топлес на сцене театра имени Шиллера. В «Штерн» появилась рецензия на постановку, а поскольку я была единственная обнаженная во всем спектакле, взгляд фотографа не мог скользнуть мимо. И когда мы с корреспондентами журнала сидели в Дрездене и обсуждали публикацию всей этой истории с Виктором Ерофеевым, я вспомнила о моем прошлом опыте и подумала, почему бы мне каждые двадцать лет не появляться голой в этом журнале? Шучу, конечно. Чем больше мы говорили, тем больше я убеждалась в том, что это правильное решение. Потому что это продолжение игры.

— Игры в мистификацию?

— Не только. Я должна была идти в этом романе до конца, отдать все, чтобы иметь право сказать: «Да, это я была в борделе, я делала то-то, и не только». Я была субъект, а не объект.

— На этой фотографии у тебя такое серьезное, даже трагичное лицо.

— Да, я хотела быть серьезной. Это была опасная история: я — голая, он — одетый. В такой ситуации веселой и смеющейся могла быть только муз. А серьезное лицо, в котором можно увидеть даже внутреннюю боль, означает, что я сама себе госпожа. Автор, а не муз. Это тоже продолжение игры. Недавно я работала над статьей для австрийского журнала «Ди», где речь шла о писательнице Эльфриде Елинек и фотохудожнике Синди Шермен, которая, переодеваясь в немыслимые наряды, делает свои автопортреты. И та и другая играют с собственной идентичностью.

— Признайся, Габриэле, тебе не мешала писательская известность Виктора? Его роман «Русская красавица» переведен на двадцать семь языков мира, а ты была дебютанткой?

— Почему мне должно было это мешать? Мы были на равных. Более того, я познакомилась с Виктором как с любовником, а не как с известным писателем. Не знаю, как относятся к нему в России. В Германии девушки без ума от Гюнтера Грасса. Я понимала только, что должна написать стоящую книгу, сделать максимум из того, на что способна.

...Способна она на многое. Главы книги, написанные ее рукой, безусловно, талантливы. И, что бы ни говорила Габриэле о своей силе и наглости, ей, конечно, пришлось нелегко рядом с автором бестселлеров Ерофеевым. Ей не раз и не два пришлось преодолевать себя и преходить границы — литературные, географические, человеческие. А что касается

пресловутой «смерти автора», то этот прискорбный факт все-таки свершился. Но не в Германии, а в России.

«МНЕ ВЛИЛИ ЧУЖУЮ КРОВЬ»

— Скажите, Виктор Владимирович, с каким чувством вы слышите имя Габриэле Ридле?

— Она чудесный и милый человек. Мы до сих пор друзья. Мне единственному, кроме ее семьи, разрешено называть ее Габи. Правда, в моем произношении слышится два «б» — Габби. Мы с ней пережили такое, что большинство людей не успевают за всю жизнь. Объехали пять крупнейших рек мира, а еще побывали в Южной Африке. Если бы у нас были плохие отношения, этого бы не произошло. На днях выходит журнал «Гео» с ее статьей и моим предисловием.

Вообще это было уникальное явление: взять с собой совершенно незнакомого человека... Мы попадали в опасные ситуации в Индии. В Африке Габи чуть не умерла от малярии. На Миссисипи мы были как брат и сестра, потому что для американцев что Россия, что Германия — все равно образ врага. На Ганге мы стояли на разных позициях, потому что Габи поначалу на индузов вообще покрикивала и вела себя малоприятным образом, а я встал на защиту восточных народов. На Рейне, которого я категорически не принял, она вообще половину пути проплакала из-за несчастной любви, а другую половину мы ругались: начиналась ломка ее философии. У Габи чисто дружеские отношения наложились на чувство сильной привязанности ко мне, что, кстати говоря, способствовало тому, что она за это время кардинальным образом изменилась. В чем-то изменился и я.

— Какие перемены произошли с Габриэле?

— Если бы вы видели ее пять лет назад! Это была западноберлинская журналистка с очень устоявшимися идеями, с полным каталогом современной французской философии. Все у нее было от Фуко, как носят вещи от Босса или Армани. Неглупая, жестко продвинутая в феминизме, с установкой на лесбийские дела. Друзья у нее были из секс-меньшинств. Когда ее друг, гомосексуалист, умер от СПИДа, она впервые рыдала на моем плече. А недавно она прислала мне письмо по электронной почте о своей командировке в Бутан — маленьком государстве возле Индии и Непала, и строки были проникнуты сочувствием к людям. По-моему, это просто историческое перерождение человека. И, мне думается, с одной стороны, Габи очень повезло, а с другой — она пережила личную драму. Но здесь можно только руками развести...

Когда мы ездили с ней представлять эту книжку в Германии, то я увидел, что там Габи смотрится белой вороной среди журналистов. У нее гораздо более открытое мировоззрение, чем у ее коллег, хороших профессионалов, но словно сошедших с одного конвейера. Ее явно распирало от пережитого опыта, от каких-то внутренних страданий. Она много передумала. Другая бы сломалась на ее месте. Габи действительно хотелось женской любви. Она открыто заявила об этом на всю Германию. Она очень интересно переосмыслила идею любви. Ее чувство — не западный вариант «дашь на даши» или «баш на баш». Я вообще предполагаю, что благодаря пережитому опыту она может стать неплохой писательницей.

— Это была ее первая книга. Как вы оцениваете ее писательский уровень?

— Мне трудно оценить ее как писателя, потому что я не читал ее по-настоящему. Мне переводили спонтанно, с листа. Есть очень сильные куски в главах о Рейне и Индии. Она хороший журналист, и в «Гео» — номер один, а это немало значит. Сейчас Габи пишет книжку, и некоторые идеи мы разрабатывали вместе. Я искренне хочу, чтобы все у нее получилось.

— Но не с вами?

— Я открыт всему, но она хочет другого. Она человек со страстью, с норовом. В книге это отразилось. Ведь что-то основывалось на реальных событиях. Вообще книгу надо воспринимать как роман, из нее нельзя вычитывать историю наших

Габи неудавшихся взаимоотношений. Конечно, Габи попала в болезненную и жесткую ситуацию, которой не позавидуешь. Никаких шансов на глобализацию не было, а были шансы иметь самые лучшие отношения. Поездки всегда сближают. Кошки, шалаш, палатки, общая еда — это известно. Я думаю, пройдет время, и выяснится уникальность этого русско-немецкого проекта. Мы никак не можем расстаться на уровне эмоций.

— Между вами происходили ожесточенные политические дискуссии. Вас смущал даже портрет Ленина над ее кроватью.

— Он висел не над кроватью, и рядом была Дева Мария. Но это проблемы Габи. Особо болезненных дискуссий о политике у нас не было. Один раз мы с ней подрались, но все-таки не побили друг друга. Эта история описана в книге.

— Российский читатель познакомился с книгой, в которую не вошли главы, написанные Ридле. Почему так произошло?

— В этом нет никакого секрета. Книга не писалась вдвоем. Я написал всю книгу сам, от начала до конца. «Волга» — особый случай, все остальное Габи получала от меня по главам. У нас с ней был договор: она может отражать мой текст, препарировать его. Тем более что написан он был так, что в литературном смысле провоцировал Габи на ответ. Но ее кусков я не видел, чтобы не вовлекаться в бесконечную полемику. Интерактивность шла только в одну сторону. Габи имела текст и нанесла по мне несколько бомбовых ударов.

Когда я прочитал окончательный вариант, мне понравилось, хотя пишет она пока неровно. Я и сам понимал, что ее текст, яркий и прозрачный в Германии, здесь будет не очень понятен. Другое дело, если бы она ограничилась комментариями к моим главам. В России Габи человек неизвестный. Поэтому я напоролся на непонимание издателя. Мне сказали, что получится «левая» книга, так как сразу возникает вопрос: зачем Ерофееву кого-то брать в соавторы, если он и сам может написать? Книжный рынок очень жесткий, так что качество текстов Габи даже не обсуждалось. В лучшем случае удалось бы распродать ровно половину тиража, а так книга расходитя хорошо. Конечно, моральный вопрос как бы встал, но с юридической стороны претензий быть не может. Контракт у нас был только по Германии. Габи очень обиделась. И немцы тоже за нее обиделись, показав себя малой нацией. Приезжали и говорили: «Как же так? Нашего не включили». Помню, был ужин у немецкого посла, он — мой друг и в обиде не участвовал, но немцы из культурных объединений возмущались: «Почему в Германии две фамилии, а здесь только одна?» В этой истории нет ничего секретного, кроме законов рынка. У меня нет ощущения, что что-то было сделано неправильно.

— Реакция вашего соавтора была очень эмоциональной.

— Когда мы ехали в Париж, она разбила о мою морду свои часы. Речь зашла об обложке. Я сказал: «Эта прекрасная фотография не говорит ничего плохого ни о тебе, ни обо мне, ни о книге. Это символ двух сильных позиций». Позже Габи хотела подавать в суд, но наш литературный агент в Германии сказал, что не стоит связываться с русскими, это бесполезно. По-моему, в тот момент Габи обиделась не на то, что на фотографии она в пальто и ничего под пальто, а опять-таки что ее «не пригласили». Вообще это была очень смешная история. Мы сели в ночной поезд, затолкали в какое-то купе свои вещи и пошли ужинать в вагон-ресторан. Свободных столиков не было, мы подсели к двум немцам. Один пил пиво, другой читал газету. Мы с Габи хорошо разговаривали, пока не затронули болезнную тему. Габи вскочила, съездила мне по морде и ушла. Немцы так и не перестали пить пиво и читать газету. Как будто ничего не произошло. Что-то взорвалось, и никто не обратил внимания. Очень европейская сцена. Чистое кино. Я сидел с красной щекой. Принесли еду, и тут я понял, что попался. Кредитные карточки в поезде не принимают, наличные деньги я не успел получить. Потом я подумал, что не запомнил ни купе, ни вагона, где остался мой чемодан. Что делать? Не могу сказать, что я особенно волновался, но все же было не по себе. Но тут появилась Габи.

Она неврастенична, как вся Германия. Она вернулась, как будто ничего не произошло: «О, я забыла заплатить за свой ужин».

— Если представить себе на минуточку обратную ситуацию: Ридле — известный в Германии писатель, вы — российский журналист...

— Меня бы, конечно, тоже отсекли. Может быть, даже сейчас, когда мои книги печатаются в разных странах, где-то могла приключиться похожая история. Все-таки Габи была неопытным писателем. Она так трогательно хотела, чтобы эта книга появилась в Америке. Я говорил ей: «Габи, это мечты. Американский рынок совсем другой». Я совершенно не исключаю, что, может быть, когда-нибудь наша книга будет напечатана в России. Планируется издание моего пятитомника, возможно, она войдет туда.

— Габриэле, по ее словам, не мешала ваша писательская известность. Она не знала вас в России и вообще познакомилась с Виктором Ерофеевым как с любовником, а не как с писателем.

— Это не так. Она была моим редактором, мы общались по телефону, мне нравился ее грубый, мужской, прокуренный голос. Я ее сразу узнавал. Потом мы полтора дня общались в Москве и прекрасно понимали друг друга. И то, что я выбрал ее в качестве спутницы, было просто русской рулеткой.

Когда на Волге люди меня узнавали, это было для Габи как пощечина. Как же? Она в Германии идет по улице, и ее никто не узнает. В Саратове, например, меня тормозили люди: «Здравствуйте, дайте автограф, пожалуйста!» И я видел, что Габи это не радует. Ее напрягало, что мы находимся в разной весовой категории. Она все как раз воспринимала, но гасила это в себе. Это было одно из табу, которое она до конца не позволила себе переступить. Правда, на Миссисипи и на Ганге меня тоже никто не знал, и в этом плане мы там сравнялись.

— Признайтесь, Виктор Владимирович, вы бы еще раз отважились на соавторство с Габриэле Ридле?

— Еще раз пять рек! Нет, это закрытая тема. Когда мы закончили книгу, я сказал Габи, что больше мы ничего не будем делать вместе. Это был авангардизм. Или кубизм начала века, когда поверх письма наклеивались газеты и проступали чужие буквы. Для писателя серьезное испытание, когда в его кровь вводят чужую, ему совершенно неизвестную. Это жестокое убийство. Ведь не знаешь, чем ты разబавлен. Я не редактировал ничего. Я был заранее готов на все. Габи, например, потребовала, чтобы я изменил начало главы об Индии. Был дикий скандал. «Если это останется, я уйду из книги», — предупредила она.

— Так что, «отсечение» соавтора продиктовано не вашим «мужским и авторским» тщеславием?

— О каком тщеславии можно говорить? Это было скорее антитщеславие, желание провести невыносимый по шоку эксперимент. Как говорил французский философ Маритен по поводу Сартра, если вы даже не верите в Бога, то к тексту надо относиться как к Евангелию. В текст надо верить. Я всегда эти слова держал в голове, а здесь пошел на безумие. Я не знаю писателя, который бы на такое решился. Габи — не писатель, а журналист. У меня не было по отношению к ней безумного чувства, которое бы позволило принять правила игры. Даже если бы было... Это сознательное убийство автора, такой ход конца XX века, если хотите, инсталляция в моем тексте. Там все что угодно могло завестись: и ангелы, и черви. Мне было даже жалко, что это уходило в русском издании, но для отечественного читателя это было почти непонятно.

Габи много передумала в плане творчества. Она считала, что писатель пишет с себя, выражает свои позиции, взгляды. Я ей говорил: «Дура! Совершенно не так пишутся книги! Ты должна поставить себя в состояние антенных, принимающего устройства, через тебя должны идти эти волны». Обычное состояние писателя — отчаяние. Ты сидишь с этой антенной и прислушиваешься. Книга уже где-то там, на небесах, написана. Тебе ее надо «скажать», как информацию из Интернета. И все огромное напряжение состоит в том, как это сделать.

Интервью 2001 года.

Романс о влюбленном

Елена СВЕТЛОВА

Специально для «Совершенно Секретно»

1975 год. Переполненный кинотеатр «Россия», нетерпеливая очередь в кассу. В зрительном зале мелькают носовые платки. Две серии — как мгновение. И бесконечные девичьи придыкания: «Киндинов... Киндинов...» Высокий, широкоплечий, с мужественным открытым лицом — для целого поколения Евгений Киндинов был эта-лоном мужской красоты,екс-символом, если хотите. Короткая стрижка, модные очки, дымок папиросы. В зеркалах гримерки новое лицо. Разговор идет под аккомпанемент спектакля. На сцене МХАТа имени Чехова показывают пьесу «Новый американец» по Сергею Довлатову, в которой Киндинов играет роль зека.

Интервью 1999 года

— Скажите, Евгений Арсеньевич, на сколько лет вы себя ощущаете?

— Как когда. Молодым, если хорошо себя чувствую, и старым, если плохо.

— Давно ли вас называют по имени-отчеству?

— Недавно. Я четыре года преподавал во ВГИКе, в прошлом году выпустил курс, и студенты обращались ко мне по имени-отчеству. А так... Я долгое время был самым молодым актером во МХАТе. Меня взяли в шестьдесят седьмом, тогда молодых принимали мало, не то что сейчас. И очень долго для всех я был Женей.

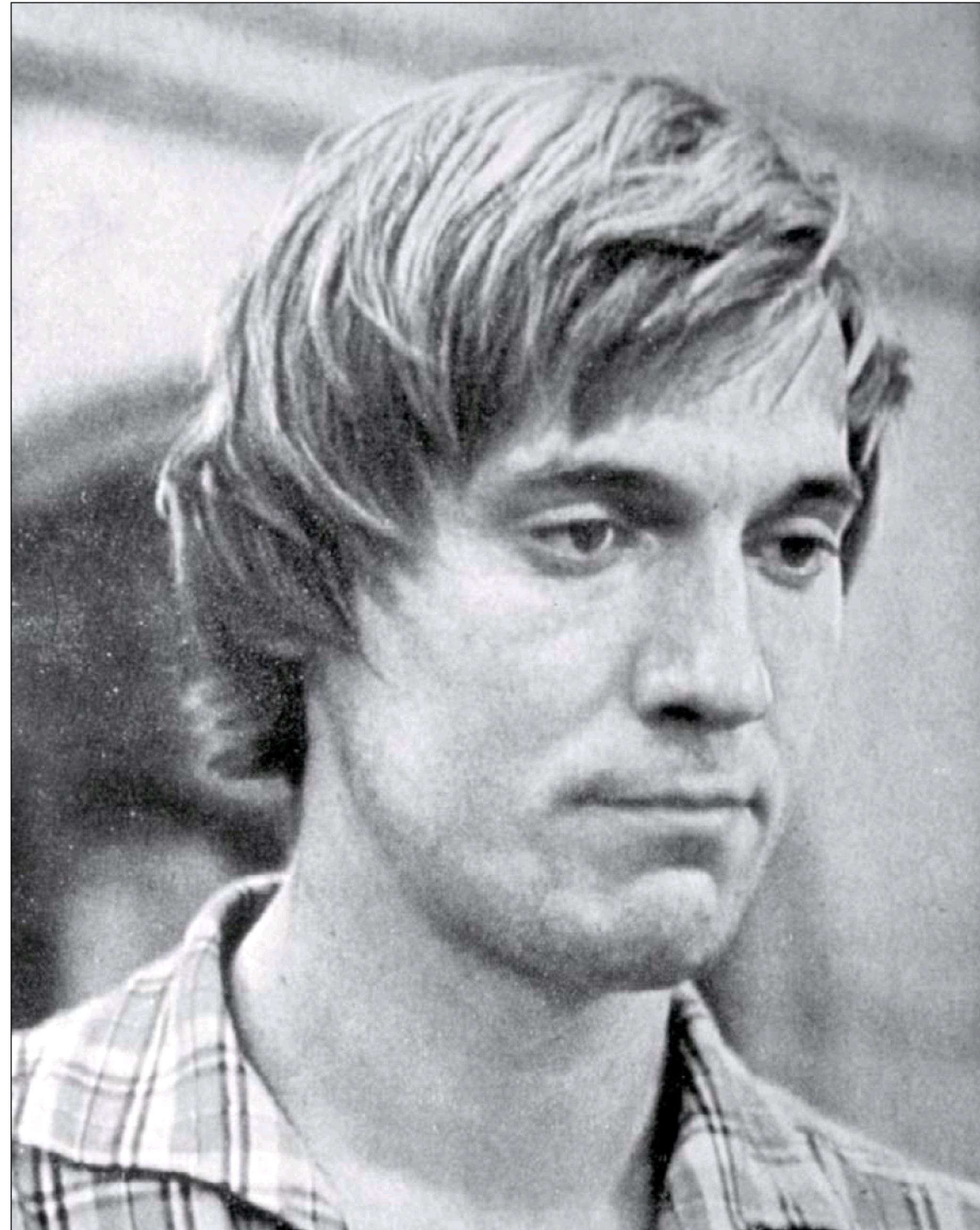
— В анналах театра сохранилась невероятная история, связанная со спектаклем «На дне», в котором вы играли вместе со знаменитым актером Грибовым.

— Роскошная была история. Это была моя первая серьезная проверка. В спектакль «На дне» меня ввели на роль Васьки Пепла специально для гастролей в Японии. Луку играл Грибов. В спектакле есть сцена, где Пепел душит Луку. Я на премьере от волнения так прихвачил Грибова, что чуть было не придушил по-настоящему. Правда, тут же выяснилось, что мой партнер хоть и в возрасте, но мужчина крепкий. А в антракте ко мне приходит гример: «Зайдите, пожалуйста, к Алексею Николаевичу!» «Ты что, с ума сошел? — накинулся на меня знаменитый артист.

— Это все-таки сцена, а не жизнь. А если по ходу действия надо убить, то убивать будешь? Я запомнил, что профессия — это профессия. Надо уметь быть персонажем, но в то же время оставаться на сцене человеком и не сходить с ума.

— Говорят еще, что Грибов сначала вас невзлюбил.

— Может быть. Нужен был срочный ввод в готовый спектакль, а тут пригласили мальчишку. Я ведь пришел в театр революцию делать, не меньше. Меня приглашали не только во МХАТ, но и в другие театры. Не то что от тщеславия крыша поехала, но, во всяком случае, сдвинулась. И Грибов как бы поставил меня на место. Не могу сказать, что мы дружили, но вместе выпи-

вали не раз. Я играл с ним в «Кремлевских курантах». Когда в «Современнике» заболели Олег Даль и Игорь Кваша, мы с одной репетиции влились в их спектакль «На дне».

— Тогда и произошла ваша первая встреча с Олегом Ефремовым?

— Да, он позвал меня к себе в «Современник», а потом так вышло, что Олег Николаевич стал главным режиссером МХАТа.

— Вы переиграли чуть ли не всю русскую классику. Зрители видели вас в «Чайке», «Иванове», «Барвихах», но все-таки популярным вас сделало кино. В чем, на ваш взгляд, притягательность Сергея Никитина из «Романса о влюбленных»? Почему в вашего героя повально влюблялись? Ведь не только во внешности было дело.

— Если судить по письмам, которые я получал пачками, в Никитине нравилось умение глубоко чувствовать, безоглядно любить.

— А как бы восприняли эту картину сегодня?

— Трудно сказать. И тогда публика была поляризована. Одни ругали, плевались и называли фильм сладким сиропом и колоссом на глиняных ногах. Другие искренне восхищались, до фан-клубов дело, правда, не дошло, но были зрители, которые смотрели картину по нескольку раз и музыку знали наизусть.

— Сцена, в которой Лена Коренева купается в озере, казалась очень эротичной. Это было какое-то откровение для нашего зрителя, привыкшего видеть киногероев одетыми даже в постели.

— По тем временам это было смело. Доходило до того, что Кончаловскому запрещали наши с Леной фамилии выносить в первый титр.

— Ваши отношения не вышли за рамки фильма?

— Слава Богу, нет. У нас были дружеские отношения. Конечно, Лена мне безумно нравилась. Ее нервная структура, ее вспыльчивость, внутренняя подвижность уникальны. Недавно мы встречались. Леночка такая же хрупкая, переливчатая, как и была.

— Изменился ли как-то ваш женский идеал?

— Если раньше внимание в основном было сосредоточено на экsterьере, то сегодня уже понимаешь, что это хорошо лишь для того, чтобы однажды вместе выйти в свет. А потом? Я сам по себе человек взрывной, заводной, вспыльчивый. Поэтому мне нравились женщины со спокойным характером. В «Романсе о влюбленных» снималась Ира Купченко. Она из числа тех удивительных женщин, которые излучают некую ауру покоя.

— Вы были в нее влюблены тогда?

— Н-нет.

— А в чем, по-вашему, заключается сексуальная привлекательность женщин?

— Нет общего правила. И слава Богу. Для меня это прежде всего наличие загадки в женщине. Мне априори скучно, когда все ясно с первого взгляда. Женская красота в какой-то степени подвластна моде, которая формирует «вкус» на полных или худых. Но вообще сексуальная привлекательность — нечто необъяснимое, если это не понятие из области спорта, конечно. Мне в этой связи вспоминаются несколько кадров из картины Кончаловского «Дворянское гнездо», где героя безумно волновали шея и ухо Лизы Калитиной.

— Когда вы влюблялись в последний раз?

— Мои влюбленности больше связаны с лирическими работами в театре или в кино. Мне везло на симпатичных партнерш.

— Это, конечно, помогает, когда надо сыграть любовь. А если актриса вызывает прямо противоположные чувства? Бывало такое?

— Бывало, но я старался в себе это задавить. Я прекрасно понимал, что в кино, особенно на крупном плане, не обманешь.

— Вы по-прежнему ведете здоровый образ жизни? Несколько лет назад вы назначили моему коллеге встречу у касс Белорусского вокзала, чтобы дать интервью в лесу, во время бега трусцой.

— Увы, я сильно переболел, были проблемы со здоровьем. Так что могу просто завидовать актрисам старшего поколения, которые начинают день с разминки у станка.

— А теория правильного питания?

— Это осталось. Секрет прост: больше овощей, меньше мяса и консервов.

— На что вам не хватает денег?

— На путешествия. Моя игра в карты городов не затухает. Хотя грех жаловаться, я много поездил.

— Помните самую первую свою поездку за рубеж?

— Ой! Это был мой первый кинофестиваль в Сан-Себастьяне в 1968 году, на который мы поехали с Аллой Ларионовой, с картиной «Молодые». Поскольку тогда у нашей страны не было отношений с Испанией, — был жив Франко, — документы на въезд оформлялись в Париже. Благодаря этому дипломатическому нюансу мы провели в столице Франции два дня. Все потрясало, начиная с запахов французской парфюмерии в аэропорту Орли, у нас в то время можно было купить только польские духи «Быть может», до розовых простыней в номере, куда горничная приносila утром кипу французских газет и завтрак в постель... Помню розовые дома в Париже, безумное количество собак, парочки, целующиеся на каждом углу.

— А парижанки?

— Нет, они почему-то не запали в душу, хотя нам удалось даже побывать на стрип-шоу. Испанское фламенко выше. Там нет никакой эротики, но это очень сексуальное зрелище. Диалог мужчины и женщины, танец-соперничество, потные, извивающиеся спины...

— Коллекционируете что-нибудь, кроме карт? Вы собирательской по природе?

— У меня замечательная коллекция марок бывших африканских колоний, которую хочу подарить дочке. Удалось собрать хорошую библиотеку. Приобрел наконец дисковый проигрыватель, и уже подбирается приличная фонотека. У меня свои музыкальные привязанности — это

Моцарт, Чайковский, Курт Кобейн, у дочки свои — Брайан Адамс, «Prodigy».

— У вас есть недостатки?

— Вспыльчивость, нетерпимость. Потом всегда спохватываюсь: «Ох, ну зачем?» Правда, эти проявления обычно продиктованы желанием лучше сделать общее дело.

— Что для вас неприемлемо в людях?

— Предательство, бесстыдство. Не люблю хвастовства, особенно когда мужчины рассказывают о своих любовных победах, пусть даже и в чисто мужской компании. Похожее чувство охватывает, когда читаешь публикации некоторых ваших коллег, которые для красного словца не пожалеют и отца.

— Испытывали ли вы когда-нибудь боязнь провала?

— Нет. Провала можно опасаться, когда не подготовлен, не уверен в том, что делаешь. Театр ведь чем хорош? Там все держится на дисциплине. Театральному актеру надо быть всегда в форме, он не может позволить себе расслабиться. Кино — другое дело, съемка сегодня и через месяц, а пока можно «отвязаться»...

— У вас никогда не было проблем с алкоголем?

— Было время, когда по молодости мне казалось, что сто граммов алкоголя перед спектаклем помогают свободнее держаться на сцене, потом я понял, что это заблуждение. Кроме потери живой реакции, ничего не получаешь. Хотя есть артисты, которым алкоголь помогает. Мне рассказывали костюмерши из нашего театра, что когда приезжал сэр Джон Гилгут читать шекспировские монологи, у него за зеркалом в гримерке всегда стояла бутылка армянского коньяка, которая к концу спектакля была пустой.

— А после спектакля позволяете себе расслабиться?

— Иногда, в хорошей актерской компании.

— Кто из режиссеров вам ближе? Жизнь сводила вас с разными мастерами этого цеха. Кого можете назвать своим?

— В первую очередь вспоминаю своего педагога в Школе-студии МХАТ. Это Виктор Карлович Монюков, его сейчас нет. Одна из его заповедей гласила: режиссер — твой помощник, но умей работать сам. Мне это помогает, особенно в работе с молодыми режиссерами. Ведь сейчас человек, имеющий несколько тысяч долларов, может позволить себе театральную постановку. У меня такие случаи были. Приходит человек и говорит: «Я снял несколько клипов, хочу поставить спектакль». На первой или второй репетиции понимаешь, что он в режиссуре новичок. А работать-то надо... С мастерами, конечно, другое дело. Ефремов, сам замечательный актер, умеет видеть планку твоего персонажа и разложить высокими задачами. Одна из моих последних работ — Репетилов в «Горе от ума». Роль — сплошной монолог. Но Ефремов сумел рассказать про Репетилова такие вещи, о которых я и не подозревал. У Кончаловского другая сильная сторона: он очень хорошо знает, что хочет от роли, от эпизода, умеет просчитывать на много ходов вперед.

— Некоторые режиссеры, желая добиться от актера максимальной правды выражения, пользуются недозволенными приемами. Известны случаи, когда мэтр отвещивал актрисе пощечину и сильно уязвлял ее самолюбие, чтобы вызвать живую реакцию. С вами такое бывало?

— Обычно подобные методы практикуются по отношению к актерам. Когда мы поехали в Поленово снимать начало картины «Романс о влюбленных», каждое утро одна бабулька приносила нам с Леной Кореневой по банке земляники. Оказалось, что Кончаловский договорился на

рынке и заранее оплатил нашу землянику. Меня это очень тронуло. «Ешьте, вы должны хорошо выглядеть», — говорил он. Это дозволенный прием или нет?

— Кто из коллег вам творчески близок?

— В этом смысле мне повезло. И в кино, и в театре жизнь сталкивала меня с прекрасными актерами. Я застал великую плеяду стариков. Видел Сальери-Симонова, Ноздрева-Ливанова, Чебутыкина-Грибова. Тогда еще я понял, что такое высокая актерская планка! Когда я был студентом, мы часто ходили в кафе «Артистическое». Иногда, после спектакля, туда заглядывал знаменитый Павел Массальский, мы называли его Пэл Мэл. Он заказывал всегда свой джентльменский набор: сто граммов коньяку, бокал шампанского и шоколадную конфетку. Коньяк выпивался одним махом, шампанское смаковалось, а закусывалось все это конфеткой. Массальский обычно пил прямо у стойки и говорил барменше: «Маша, запиши на мой счет!»

— А с кем-нибудь из актеров дружите?

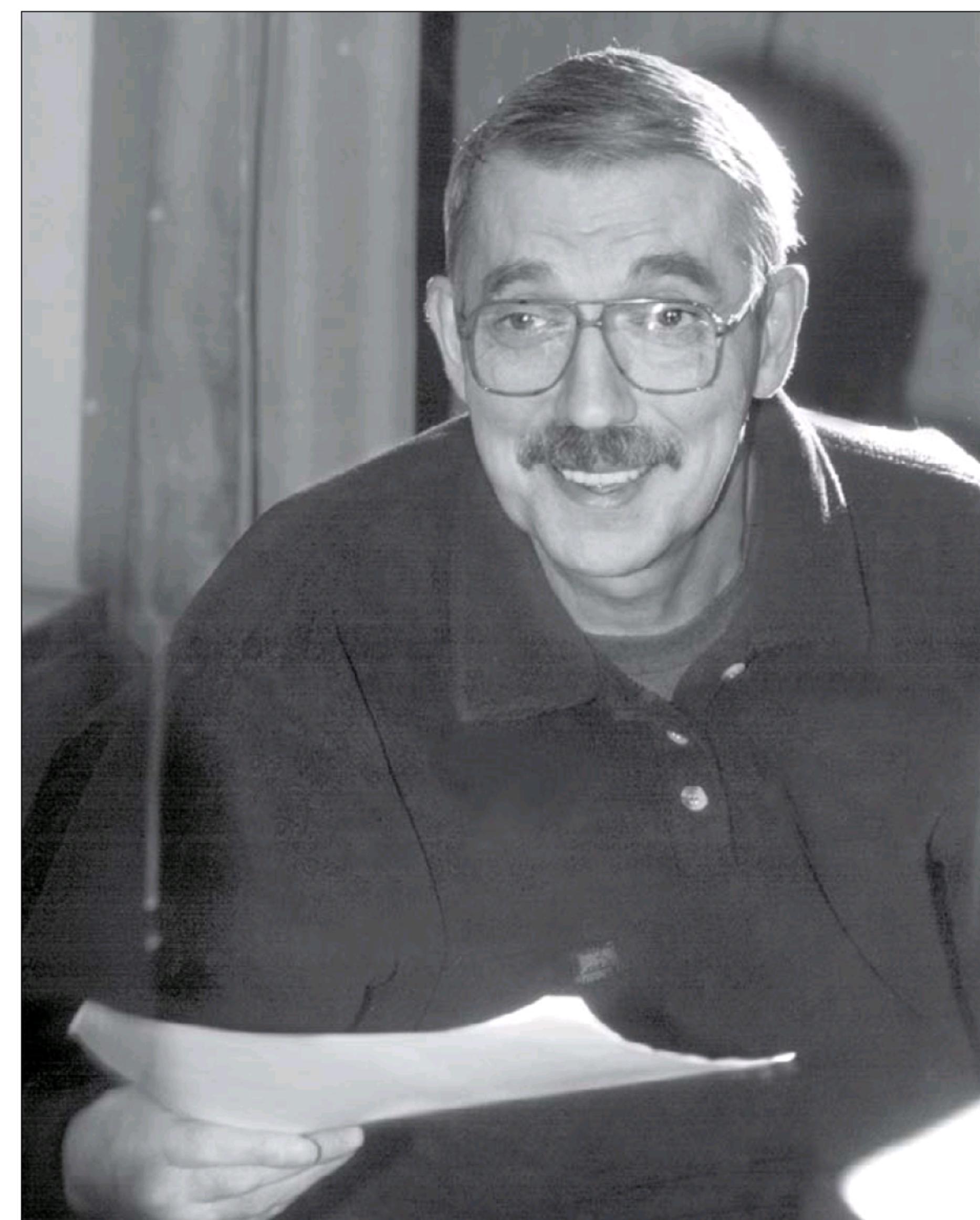
— Близких друзей среди актеров у меня нет.

— Когда то, в одном из номеров журнала «Театральная жизнь», была напечатана статья молодого актера Киндинова, где есть такая фраза: «Хорошо, когда совпадает то, как нам хотелось бы жить, с тем, как мы живем на самом деле». Сегодня у вас совпадает?

— Конечно, нет. Думаю, что у очень многих не совпадает. Мы переживаем время перемен, разрывы, однодневных авторитетов. Без знака плюс, без идеала тяжело. На первый план вылезают те, у кого громче голос, кто беспардоннее. Всплывает pena, а пива-то не видать. То нам говорили, что наша история до семнадцатого года — сплошной кошмар и унижение, то предлагают вычеркнуть последние семьдесят лет.

— Вы свой партбилет храните?

— Да, это память. У меня долгое время висела фотография Ленина, которая мне очень нравилась. Как-то зашел знакомый: «А чего он у тебя висит? Ты разве не знаешь ничего?» «Ну, это Сталин виноват», — ответил я, не зная тогда, что, например, репрессии против священнослужителей творились по воле Ленина. Мои родители были простые деревенские люди из-под Рязани, постов не занимали.

Наверное, это их спасло. В нашей семье никто не пострадал. Мой отец с большой симпатией говорил о Кирове, а о Сталине — никогда. Думаю, он знал все, но, мудрый человек, жалел мою психику: «Всему свое время, сам разберешься». Вот и разбираюсь. Недавно с удовольствием прочитал книжку Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Все у нас началось не в семнадцатом году, а раньше.

— У вас были в жизни разочарования?

— Главное разочарование — это то, что происходит с нашей страной. В профессии тоже бывали горькие минуты, когда все складывалось не так, как хотелось бы. С картиной «Мертвый сезон» меня, можно сказать, обманули. Сказали, что дадут большую роль, а потом в массовке, в толпе таких же «счастливчиков» я встречал Баниониса, которого обменивали на американского разведчика.

— Случалось играть самого себя?

— Я в предлагаемых обстоятельствах — это есть в каждой роли. Хотя часто роли требуют от тебя того, чего ты в себе и не предполагал. Играя Дмитрия Карамазова, мне приходилось взращивать в себе безрассудство, максимализм.

— Мечтали когда-нибудь сняться в Голливуде?

— Что мне это дало бы? Славу, известность, постеры, обложки, деньги? Все это, пусть не в том количестве, но было. А проблемы у американских звезд те же: разводы, болезни, дети. Вот Ричард Гир, человек, у которого все есть, ездит к далай-ламе искать какую-то духовную опору.

— Приходилось ли вам в прошлом пользоваться актерской популярностью, чтобы получить доступ к продуктовому дефициту?

— Приходилось, конечно. Были знакомые в магазинах, которых я, в свою очередь, приглашал на премьеру. Бутылка виски стоила тогда всего шесть пятьдесят, как сейчас помню. В Елисеевском у меня была знакомая продавщица в винном отделе, которая всегда приберегала для меня бутылочку-другую.

— Сотрудники автоинспекции узнают в лицо?

— Узнают. Когда нарушишь правила, просто пожурят и отпустят. Тем более что я в двух картинах милиционеров играл.

— Что для вас значит умение жить?

— В моем понимании тот человек умеет жить, который смотрит на мир добрыми, спокойными глазами. «Бойтесь голодного взгляда сытого человека» — помните?

— В последнее время много говорят о так называемой «голубой» мафии. Вы терпимо относитесь к людям другой сексуальной ориентации?

— Терпимо. В ряде случаев это никак не зависит от воли человека. Так распорядилась природа. Мне, правда, кажется, что это сужает амплуа актера. Хотя в самой актерской профессии есть нечто женственное, в ней заложено желание нравиться. Возможно, поэтому в среде артистов театра, балета, кино немало людей нетрадиционной ориентации. Не вижу ничего плохого, если в этом нет бравады, хамства, высокомерия по отношению к другим.

— Согласились бы вы за большие деньги сыграть роль, за которую пришлось бы краснеть?

— Нет. Нехватка денег — это не состояние кошелька, а состояние души. Очень большие деньги мне и не предлагали. Были в моей биографии проходные картины. Но это была именно моя неразборчивость, а не продажа себя в качестве материала.

— Вы способны на спонтанные поступки, продиктованные внезапным чувством?

— Я же заводной по характеру. Всякое в жизни было, а потом наступало отрезвление: «Зачем?»

— Поклонницы не докучали?

— Особо нет. По крайней мере, таких страстей, как с Сашей Абдуловым, в которого плеснули кислотой, в моей жизни не было.

— Говорят, актерские семьи нестойкие, у многих ваших коллег на счету не по одному распавшемуся браку. Вы примерный семьянин?

— Мы с Галиной давно вместе, у нас растет дочь, которой четырнадцать лет. Недавно мы с женой повенчались.

— Вы человек суеверный? Верите в приметы?

— Стараюсь с этим бороться. Но делается не по себе, когда навстречу идут с пустыми ведрами. А главная примета — сугубо актерская. Уронил роль — посиди на ней.

Фото Дмитрия АЗАРОВА

В ФИЛЬМЕ «КАРАТЕЛЬ» С М. ВАНДОВОЙ. 1968 Г.

Александр Шилов:

«Мне важно достучаться до людских сердец»

Лариса РЕШЕТНИКОВА

Специально для «Совершенно Секретно»

Более четверти века творчество художника привлекает внимание — все его выставки проходят с неизменно громадным успехом. Свидетельство тому — многотысячные очереди у выставочных залов и десятки томов восторженных откликов благодарных зрителей разных стран мира.

Интервью 2001 года

Родился в Москве в 1943 году.

В 1973-м окончил Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова.

В 1977-м стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

В 1980 году было присвоено звание заслуженного художника РСФСР.

В 1981-м — звание народного художника РСФСР.

В 1985-м становится самым молодым народным художником СССР.

В 1992 году по решению Международного планетарного центра в Нью-Йорке имени художника называют малую планету.

В 1997 году присваивают звание члена-корреспондента Российской Академии художеств, действительного члена Академии социальных наук и награждают орденом «За заслуги перед Отечеством».

31 мая 1997 года в Москве на улице Знаменка в доме № 5 открывается Государственная картинная галерея народного художника СССР Александра Шилова.

— Родился я в Москве. Знаете где? У меня там была первая мастерская. Лихов переулок. На углу дом стоит старинный, с рыцарями, парадное со львами... Шикарный дом. Там мамина молодость прошла, там мы войну пережили. Мама рассказывала, три бомбы прямо около дома упали, окна выбили, двери, как еще сами целы остались.

Потом, когда мне лет пять было, мама с бабушкой нашли какого-то человека, который предложил поменять нашу комнату — там метров двадцать было, квартира громадная, жильцов шесть, по-моему, всего, дом старинный, красивый, — так вот, поменять с тем расчетом, что нам дадут доплату, тысяча пять, за разницу. Жили мы трудно, без отца...

И мы переехали. К Минаевскому рынку, на первый этаж, в комнату четырнадцать метров. Представляете? Четырнадцать метров и шесть человек: мама, две бабушки, нас трое. И доплату так и не получили. Обманули!..

Вот я сейчас начну рассказывать, как мы жили, вы подумаете: преувеличивает что-то. А у нас бабушка под столом спала. Без преувеличения. Как она там, бедная, помещалась...

Квартира тоже коммунальная, трое жильцов. Я из школы приходил, быстро на кухне, на коленках, уроки делал — и на улицу. Все детство прошло на улице. Сами самокаты делали, гоняли. На велосипеды денег не было. Одним словом, жизнь, как у всех, у большинства, во всяком случае.

Вечером приходили с работы бабушка уставшая, мать. Уроки проверяли. Бабушка у меня проверяла — в галерее ее портрет, кстати, есть, — иногда она всыпала мне...

Потом, помню, в семь лет брат мой записался в изостудию Дома пионеров Октябрьского района. Это был пятьдесят седьмой год. Тогда первый спутник запустили. Космическая тема только в моду входила. И Сергей получил на Всемирном конкурсе детского рисунка в Австрии, в Вене, первую премию. За акварельную композицию «Полет на Луну».

Как сейчас помню, у нас было радио — черная тарелка, — мы лежим, я на раскладушке, бабушка, мама, сестра — кто где, и вдруг в «Пионерской зорьке» объявляют. Можете себе представить? Это в нашей-то нишете! Хотя, знаете, бедно жили, а душевные подъемы были, радоваться искренне всякой мелочи умели — ну вот когда бабушка зарплату получит, гостинцев принесет или мама. Только деньги тут же отдавать приходилось, все время жили в долг. Я хорошо помню такие моменты. Домоуправ приходил

ругаться. Тогда так принято было — ходить по квартирам ругаться, что жильцы за квартиру платят не вовремя. А когда он к нам заходил, сам матери деньги давал — на молоко: видел, как мы живем. Стыдно было, но что было, то было.

И вдруг такая новость по радио. Представляете, что это значило для нашей семьи! Прихожу в школу — все поздравляют. В «Огоньке» — а это был очень популярный журнал — вышла статья о самом маленьком медалисте мира. В этот год фильм «Летят журавли» получил «Золотую пальмовую ветвь». И в журнале поместили фотографии — Сергея за мольбертом и Самойловой, получающей награду.

Вот тут на меня начали давить соседи, на самолюбие мое. Я ведь тоже рисовал, стенгазету в школе делал. А тогда, знаете, как считалось, если Ленина-Стилина рисовать умеешь или Карла Маркса, да еще так, чтобы он был на себя похож, значит, ты — художник. А я и Сталина рисовал, и Маркса с Энгельсом. Вот соседи и стали говорить: давай запишись в кружок, ты же старше брата, рисуешь прекрасно. В конце концов это на меня подействовало.

Но получилось так, что брат рисование бросил, хоть был он действительно очень способный, а я остался, даже в две смены ходил заниматься.

— Что же случилось с Сергеем? После такого-то успеха...

— Он еще года два-три позанимался, по инерции. А потом его на улицу потянуло, там — ребята, болтаться туда-сюда стали. И все. Я пытался его удержать, даже силой пробовал его в кружок привести, но у него то голова заболит, то живот. И мама почему-то на его защиту вставала. Потом, когда в армии служил, писал, что жалеет. А вернулся — женился, и все...

— Сестра ваша чем увлекалась?

— А сестра... Она очень хорошо в школе училась. Поступила в университет на исторический факультет. Но... как-то личная жизнь тоже не сложилась. Родила ребенка, учебу бросила — не смогла учиться, потом с мужем ее несчастье случилось. В общем, как-то так все повернулось печально. Ее, как и брата, уже нет. Я один остался у матери.

Ну вот... Когда мне семнадцатый пошел, решил устраиваться на работу. Стыдно было садиться за стол и есть, видел ведь, как мать и бабушка надрывались. Было желание — и это не просто красивые слова — помочь им. Пшел работать. Грузчиком на мебельную фабрику. И учиться стал в школе рабочей молодежи. А самая главная мысль — не могу я на всю жизнь в грузчиках оставаться. Какое-то внутри честолюбие жило, оно и подталкивало меня. Хотелось быть художником. И все вокруг подбадривали — смотри, ведь у тебя получается. Тянуло к портретам, хотя в Доме пионеров рисовал в основном натюрморты и гипсовые головы.

Пока возраст позволял, занимался в кружке, где-то в семнадцать — восемнадцать лет стал дома заниматься. Помню, пришел вечером с фабрики, руки гудят, голодный! Чего там — семьдесят рублей зарабатывал, все деньги матери отдавал, себе стеснялся даже на кино оставить. Без преувеличения говорю.

После работы сядешь за мольберт, карандаш берешь, а руки его не чувствуют. После тяжести, понимаете, когда покатаешь бревна, потом карандаш берешь... А я же должен его чувствовать. Вот так и сидишь: и спать хочется, и есть хочется. Но все равно рисовал. Если бы я этого не делал, не смог бы поступить в институт.

— Но все-таки вы не сразу поступили.

— Ну, во-первых, в Суриковский поступали те, кто оканчивал либо училище 1905 года, либо спецшколу при Суриковском, которая как бы готовила кадры для института. То есть поступали люди более подготовленные. А у меня... То направление, в котором я хотел работать и уже работал, преподавателями отторгнулось, им не нравилось, что я так тщательно все выписывал. Зато мои работы понравились Александру Ивановичу Лактионову, Борису Шербакову, Алексею Михайловичу Грицаю. Это были большие художники, настоящие мастера, академики. Можно любить их, не любить — это не имеет никакого значения. Они мастера, профессионалы. И они мне сказали: ты стоишь на верном пути. А я себе другого и не представлял с тех пор, как мама однажды привела меня в Третьяковку и я увидел картины Иванова, Брюллова, Кипренского. Для меня это были не просто картины, это была жизнь, заключенная в раму. С человеком на портрете можно было говорить! Непостижимо!

— Александр Иванович Лактионов был вашим учителем?

— Нет, к сожалению. Просто однажды я увидел его на выставке, на улице Горького. И попросил посмотреть мои работы. Помню, шел к нему с рисунками и дрожал весь... Какой это мастер был! На выставках иные художники просили,

чтобы их картины перевесили подальше от его полотен, — он «убивал» их своим филигранным мастерством. Помните его «Письмо с фронта»? Картину эту на Всесоюзной выставке повесили в самый темный угол. Но она настолько светлая, солнечная, добрая, настолько совершенная, что не заметить ее нельзя было. Лактионов тогда Сталинскую премию получил, в сорок восьмом.

И такие мастера, как Лактионов, Шербаков, в Суриковском не преподавали. Их не звали. Это о чем-нибудь говорит?

Меня они поддержали, но сказали: без серьезной школы ничего у тебя не получится. Способности есть, желание есть, учиться надо. Не поверили, что я грузчиком работаю и делаю такие тонкие вещи. Лактионов мои рисунки показал Владимиру Александровичу Серову. Он меня тоже поддержал. Жаль, умер вскоре...

Все меня поддерживали. Дело было за мной. Но если бы я мог заниматься только этим. Пришлось потрудиться и на швейной фабрике, и на винном заводе. Труднее всего было на заводе, самая тяжелая физическая работа. Болело все тело.

И тут мне чуть-чуть повезло. Один художник-иконописец пригласил в церковь на реставрацию. Я подрабатывал на росписи, иконы писал, матери, естественно, помогал. Остальное распределило по пятьдесят — шестьдесят рублей на месяц — на эти деньги старался жить и в институт готовился. Работы тех лет есть в галерее — рисунки, живопись.

Так все ишло. Поступил, наконец, в Суриковский. Очень помог мне Николай Васильевич Томский, тогда президент Академии художеств. Всю жизнь буду ему благодарен. Учился, был счастлив. Дома работал много.

Потом... Лактионов уже был болен, но работал в Звездном городке, писал портреты космонавтов — ведь эти люди были в большом, заслуженном фаворе, они составили славу нашей страны. Я тогда учился на четвертом курсе. Мои работы увидел Шаталов — он руководил отрядом космонавтов, — ему понравилось. И мне сказали: продолжайте серию, которую задумал Лактионов. Я стал работать в Звездном и попросил разрешения на досрочный диплом. То есть работая в Звездном, я должен был выполнить программу пятого курса. Начал я с портрета Шаталова. Очень благодарен был ему за доверие, буду благодарен вечно!

И выпала мне большая удача: еще учась, не будучи членом Союза художников, я сразу попал на Всесоюзную выставку в Манеже. Это небывалый случай. А знаете, какая реакция была в институте? На меня смотрели так, будто я что-то украл. Ведущий мой преподаватель — не буду называть его имя, потому что его уже нет на Земле, — вообще перестал со мной здороваться. Я впервые тогда столкнулся с таким чувством.

— Так на вас обрушилась слава...

— Да, мое имя сразу узнала страна, обо

КАК ТОЛЬКО ТЕБЯ ПРИЗНАЮТ, ТО МНОГИЕ ПЕРЕСТАЮТ С ТОБОЙ ЗДОРОВАТЬСЯ...

меня писали газеты, в «Огоньке» напечатали портреты космонавтов. А этот журнал, самый массовый, тогда рассыпали во все посольства в Москве, он шел за рубеж.

Знаете, слава ведь — это проверка, проверка на слабость и на силу. Каждый художник, независимо от известности, должен сам для себя знать, как ему жить дальше. Решишь, что уже достиг всего, и — погибнешь. Главное — быть постоянно недовольным собой. Надо выбрать для себя звезду, на которую ты должен молиться, до которой ты должен расти. И работать, трудиться как каторжник, но с любовью, постигать ремесло свое всю жизнь. Вдохновение — это прекрасно. Но чтобы оно вылилось во что-то серьезное, художник должен быть профессионально готов. Иначе вдохновение-то придет, а рука не слушается, знаний не хватает. Вот и все. Вдохновение полетело дальше, а холст остался пустым.

— Ну вот окончили вы институт...

— Защитил диплом по классу портрета и продолжал ездить в Звездный. Жил на вольных хлебах.

— Как? Разве эта серия не была заказом?

— Нет-нет. Это мое добровольное желание. Никаких официальных заказов у меня не было вообще. Вы видели у меня официальные работы? Я всегда рисовал то, что мне нравилось. Это очень важно — писать только то, что сердцем чувствуешь. Гораздо позже появились на моих выставках закупочные комиссии, и если им что-то нравилось, они у меня покупали. Не продавать я не мог, это же мой единственный источник дохода. Но, признаюсь, лучшее всегда оставлял у себя. Деньги деньгами, но когда работа уходит, стена пустая — ощущение, будто сам себя обокрал. Так и появилось мое собрание — 352 картины.

Года через два-три после института я в фойе редакции газеты «Советская культура»

выставил пятнадцать работ. Потом выставка в ЦДРИ, Доме работников искусств. Вот тут уже приехали некоторые официальные лица. Тяжельников, например, завотделом ЦК. Это был семьдесят восьмой год. Я уже стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Хоть и комсомольцем никогда не был, на всю жизнь так пионером и остался. Тяжельников очень тепло ко мне отнесся, спросил, есть ли у меня альбом. И своей властью распорядился... пожелание высказал издательству «Изобразительное искусство». А тогда был такой порядок: выходит книга писателя или альбом художника, сигнальный экземпляр обязательно отправляют всем, кто командует в стране идеологией. Ну и мне пришлось подписывать свой альбом Суслову, Зимянину, Тяжельникову. А через три дня ко мне в мастерскую звонят от Суслова.

Вот обо мне все байки складывают: то я дочке космонавта был женат, то на дочке Черненко. Надо же как-то объяснить, почему я так быстро рос, почему самым молодым народным художником СССР стал. А ведь это звание на Политбюро утверждали, с генсеком. Все очень серьезно было. Что вы! И с членами Политбюро я не был знаком, и первая моя жена художницей была, мы вместе в институте учились.

Суслов мне тогда комплименты начал говорить. Я был потрясен: ну кто я для него, мальчишка, институт только что окончил.

Позвонил он и в 1981 году. У меня была выставка на улице Горького, зимой. Ее дважды продлевали, очереди стояли длинные, несмотря на морозы. Суслов своего помощника отправил узнать, как реагируют люди на выставку. Тот приехал, посмотрел, послушал, доложил. И Суслов позвонил мне, сказал: я человек занятой, но если смогу, приеду, а вы, как только вернетесь из Парижа — у меня как раз намечалась первая зарубежная персональная выставка, — сразу ко мне. Он слово сдержал. В назначенное время принял меня. И мы часа полтора говорили. Вот тогда я узнал от него, что некоторые абстракционисты, кубисты, как Пикассо, Леже, например, были, оказывается, членами коммунистической партии. И наши, покупая их работы и выставляя в наших музеях на лучших местах, помогали таким образом зарубежным компартиям. А народ ничего же этого не знал. Суслов, помню, принес из своей комнаты отдыха работу, подаренную ему Надей Леже. Вы знаете, говорит, я ее боюсь домой нести, меня дети из дома выгонят. Я спросил его: а зачем же вы их закупаете?! Ведь это разворачивает людей.

Вот такая у нас встреча была. О Суслове разное говорили, не знаю, каким он был человеком, но к искусству относился очень серьезно, понимал, что оно душу формирует. Шел я тогда из Кремля по Красной площади, и озабоченный был: второй человек в государстве, а я ему

СЛАВА — ЭТО ПРОВЕРКА, ПРОВЕРКА НА СЛАБОСТЬ И НА СИЛУ

САША С СЕСТРОЙ. 1948 ГОД

такого наговорил. На следующий день звонит его помощник: вы знаете, он всю вашу беседу собственноручно записал в дневник, для него это было важно. Вот такой был педант. Интересно дневник этот сейчас почитать!

Ну а потом на выставки приезжали и Гришин, и Кириленко, и министры культуры. Ведь эти очереди на улицах нельзя было скрыть. Да, внимание людей приятно. Признание для любого художника очень важно. Не верю тем, кто говорит, что мнение зрителя ему ни к чему. Чепуха. Художник выставляет свой труд. Зачем? Чтобы услышать мнение людей. Потому что работает он для них. Если мое искусство не нужно людям, я работаю в корзину. Я не сумел заставить их сопереживать, сострадать, восхищаться, задуматься. Да что угодно! Бывает, конечно, известность нужна, чтобы превращать ее в деньги, и только...

— Вам чинили препятствия, запрещали выезжать за рубеж с выставками?

— В ЦК меня не трогали. Вот с Союзом художников отношения были сложными. Запрещать мне не могли, я выезжал по приглашению тех государств, где мои выставки проходили. Но перед отъездом мне устраивали довольно унизительную процедуру, я ведь еще и беспартийный. Уничтожить меня не могли, а попытки создать негативное впечатление обо мне у того же Горбачева были. И статьи в газетах — с укольчиками.

В восемидесят девятом году у меня была большая выставка в Манеже. Я очень рисковал. Во-первых, зал огромный, еще никогда в таких залах не выставлялся. А во-вторых, выставка полностью хозрасчетная. Я должен был заплатить за аренду свет, охрану, обслугу. И все получилось, я даже перекрыл это за счет посещаемости. Очень много было зрителей. Я смог даже большую сумму сразу направить ветеранам Вооруженных Сил.

— Вы касались тем, не всегда приятных для власти.

— Но я никогда не искал скандальных тем, чтобы вызвать нездоровий интерес к себе, разжечь ажиотаж. И не всегда меня хвалила власть. За деревенскую серию, например, очень доставалось. Гришин возмущался: «Где вы видели таких старух, в рваных телогрейках?! Уберите! Нет у нас домов с соломенными крышами!» Думаю, все они знали, все видели. Такая фальшивка и лицемерие. Эти взгляды процветали.

Горбачев, правда, долго смотрел на моих забытых старушек, потом сказал: «Я человек деревенский. У меня сердце болит за них. Вы правильно делаете, что их рисуете, это гуманно...»

А почему я их писал? Да потому, что восторгаюсь чистотой их внутренней, добротой необыкновенной. Столько они пережили — голод, разрушу, войну, ни одного выходного дня, жили на нищенские трудодни. Все ради чего-то светлого в будущем. Какой результат? Бросили их и собственные дети, и собственное государство.

Знаете, как трудно было с ними работать. Как они пугались, не понимая,

зачем мне нужно рисовать их. Как друг друга пугали: «Ты что, с ума сошла? Молодая была, красивая, никто не рисовал. А тут старая, сморщенная. Вот, гляди, нарисует, в Америку тебя и сошлют!» Договоришься, бывало, приходишь, и на двери амбарный замок висит — сбежала. Или больной притворяется. Я им и продукты привозил, и деньгами помогал, всем, чем мог.

Эту серию начал с портрета своей бабушки. И еще — соседа по коммуналке. Старый портной. Детей у него не было, жена умерла. Он тоску свою, одиночество горькое вином заливал. На глазах спивался... Так что портретов случайных людей у меня просто нет.

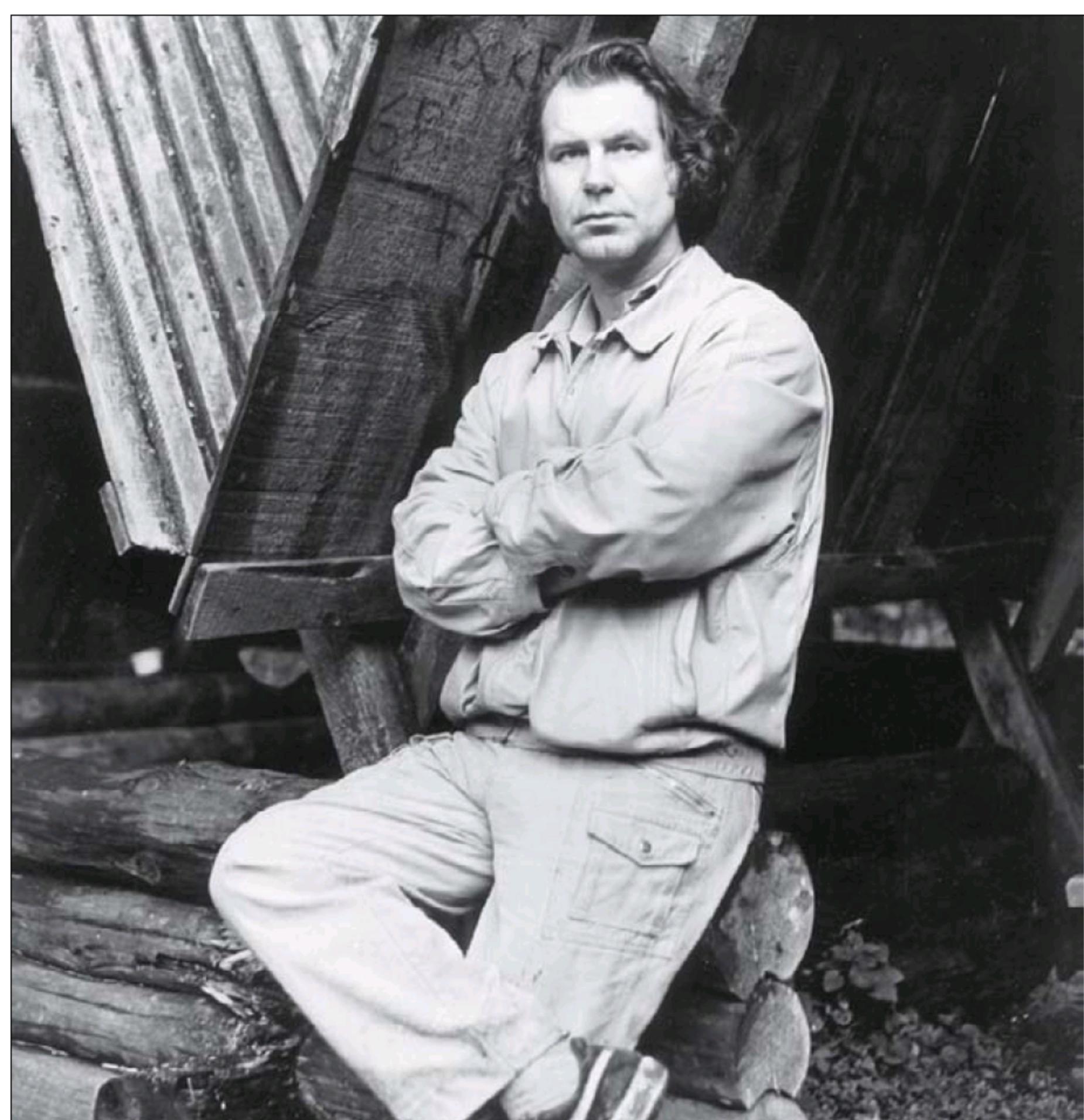
Помню, в школе еще мы с ребятами со двора часто ездили куда-нибудь в Подмосковье на электричке или на поезд. Я во время этих поездок этюды писал. И одна жуткая сцена мне в память врезалась: солдат без ног, на тележке, на подшипниках, вся грудь в орденах. Ему на пьедестале стоять, а он побирается. С тех пор я каждый год с другом ходил в День Победы к Большому театру, где ветераны собирались. А потом Афганистан, Чечня...

— Вы только с натуры пишете. А как же Высоцкий?

— В восемидесят первом году ко мне на выставку пришла мама Высоцкого и попросила, чтобы я сделал его портрет. А я тогда мало знал его творчества, не интересовался. Ей этого, конечно, не стал говорить, сказал только, что не работаю по фотографиям, а живым ее сына не видел, не знаю, какого цвета были у него глаза, волосы, кожа. Если найдете, говорю, хорошую цветную фотографию, может, попробую. Она приходила еще раз, приносила все те же фотографии — не было лучших. Толчком душевным послужило то, что я однажды услышал песню Высоцкого «Чуть помедленнее, кони...». Она мне сердце пронзила, понял я, что такую песню мог написать только необыкновенно талантливый и глубокий человек, остро чувствовавший, что такое жизнь, что такое смерть. И когда писал портрет, песню эту постоянно слушал.

— Вы человек верующий?

— Мой интерес к религиозной теме — чисто профессиональный. И проявил я его, между прочим, еще в коммунистические времена. Верующий ли я? Нет. Я тем, кто верит в то, что в Библии написано, даже завидую: им легче жить, легче страдать. Мне в это поверить голова мешает. А потому верю я в человека, хочу верить в чистого, доброго человека. Вот старушке такой я могу рассказать обо всем, что у меня на сердце, не боясь, что она посмеется надо мной, не так меня поймет. Я людям многие недостатки прощаю, если они добры, преданны, благодарны. Но таких очень мало. Человек, в общем-то, по натуре своей вампир, в основном общаются потому, что кто-то кому-то зачем-то непременно нужен. Сейчас это особенно заметно. Родная душа рядом — большая редкость. А без такой опоры все бессмысленно.

СВЕРХУ ВНИЗ: НА ПОДМОСКОВНОЙ ДАЧЕ С МАМОЙ И СЕСТРОЙ. ФОТО ХУДОЖНИКА РАЗНЫХ ГОДОВ.

Я помню, как умирал один известный художник. Он рано ушел из жизни. Был женат на женщине, у которой было трое или четверо детей. Жил очень трудно. А мастер высочайшего класса. Ну потом Сталинская премия. Это, знаете, что такое было? Вопрос с квартирой сразу решился, в семье какой-то достаток появился, заработка постоянный. Он стал действительным членом Академии художеств. И всю семью большую тянул, детей на ноги ставил. А сам заболел, с почками что-то. Помню, пришел я к нему. Он лежит парализованный, на кожаном диване. Под ним лужа крови, а он, представляете, без простыни даже. Сказать что-то пытается, не может, слезы по лицу. Я к жене его: как же так, сделайте что-нибудь, почему он на голом диване? И знаете, что она мне ответила? У меня сердце перевернулось. «Сашенька, если бы вы знали, как я от него устала!» Я онемел.

Потом на поминки все академики, действительные члены пришли, его картины увидели — и изумлялись, и восхищались. Они не знали, что он такой мастер?! А жена сетовала: мол, муж последнее время очень плохо работал.

Я забыть того потрясения всю жизнь не могу. И когда в моей жизни случилось... то, что случилось, вы понимаете, о чем я говорю, я подумал: а кто знает, сколько мне отпущено, и что будет, когда меня не станет? Неужели все вот так же, прахом? Тогда и появилась мысль о том, чтобы подарить собрание своих картин стране. Кроме того, после каждой персональной выставки были просьбы народа к главе государства сделать выставку постоянно действующей. Считаю, что моральное право обратиться в Госдуму с таким предложением у меня было. И все фракции в Думе, независимо от политических симпатий, высказались за создание картинной галереи на основе моего дара. Постановление Думы довели до администрации президента. Вы слышали, наверное, что вначале предлагали

ТРУДОВАЯ ЮНОСТЬ. АЛЕКСАНДР ШИЛОВ – СПРАВА.

залы в Кремле. Но они были небольшими, и главное — Кремль ведь режимная зона, кто же увидит мои картины? Тогда Селезнев обратился к Лужкову, состоялось решение Московского правительства, был выделен особняк на Знаменке. До этого в доме селились арендаторы — разные фонды, расплодившиеся в «смутные времена». И однажды на улице появилась растяжка, извещающая, что здание продается! Правительство Москвы, естественно, заинтересовалось этими «арендаторами». Когда решение о передаче дома под галерею уже состоялось и надо было начинать реставрацию, я приехал туда и меня встретили... автоматчики. Так вот — я устал уже об этом говорить — здание не мое, это собственность

города. И собрание картин — собственность государства. Никакого дохода от выставок лично я не получаю. (Художник подарил народу 692 живописные и графические работы и раз в полгода лучшие свои произведения отдает в галерее. — Ред.)

— Вы давно стали Мастером. А ученики у вас есть? Преподавать пробовали? Я слышала, что при галерее собирались создавать мастер-класс.

— Преподавать я пробовал. К сожалению, такого усердия, какое ученик проявлять должен, если хочет стать художником, такого желания учиться не заметил ни в ком. Все сразу хотят в короли. Я не против, но — после упорного каждодневного труда. Мне стало жаль терять свое время. И я ушел. Пока есть силы, надо еще что-то сделать самому.

— Скажите, вы человек счастливый?

— В какой-то мере. Если говорить о творчестве. А в личном плане... для меня это исключено.

Фото из архива галереи Александра ШИЛОВА

**ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУЖДЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.**

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2018 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»

ІНДЕКС 49542
1 міс. - 19,60 грн.
3 міс. - 58,80 грн.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА»**

ІНДЕКС 35257
1 міс. - 11,82 грн.
3 міс. - 35,46 грн.

ІНДЕКС 49056
1 міс. - 9,81 грн.
3 міс. - 29,43 грн.

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАЇНА. ЛЬГОТНИЙ»**
(Для передплатників попереднього
періоду та пенсіонерів)

ІНДЕКС 37104
1 міс. - 10,12 грн.
3 міс. - 30,36 грн.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

(індекс видання)

Кількість компл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс) (адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

(найменування видання)

Вартість передплата

Кількість компл.

на 2018 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

місто

село

область

район

вулиця

буд.

корп.

кв.

прізвище, ініціали

Москва слезам не верит

Ирина МАСТЫКИНА

Специально для «Совершенно Секретно»

Интервью 1999 года

Ирину Бразговку просто нельзя было не заметить. Рыжеволосая, в конопушках... Она робко стояла у Дома кино, стесняясь стрельнуть лишний билетик. Такой провинциальной тогда была. А мимо шли знаменитости... Высоцкий, Любимов, Баталов, Андрей Михалков-Кончаловский...

После того вечера ей вдруг стал называть Саша Панкратов-Черный, с которым вместе училась во ВГИКе. Приглашал большой компанией посидеть в ресторане, намекал на то, что будет сам Кончаловский. Но Ира решила для себя: пока Андрей не позвонит сам, она никуда не пойдет. И через неделю в трубке раздался его характерный голос...

— Такие, как Кончаловский, нравятся сразу. И я влюбилась в него с первых же минут, — рассказывает Ирина. — Он пригласил меня в ресторан Дома кино. Помню, от неволости я не знала, куда деться. Не знала, о чем говорить, как реагировать, куда смотреть. Была настолько зажата, что никакие детали в голове не отложились. К тому времени я снялась уже во многих фильмах: и на родине, в Белоруссии, и в Москве, но в жизни по-прежнему чувствовала себя неуверенно. Особенно в компаниях знаменитостей... Через несколько дней Андрей пригласил меня в Дом кино опять. А на третий раз повез знакомиться со своей мамой. Я была очень взволнована...

Отношения их так быстро развивались, что вскоре перестали быть тайной для окружающих. Многие Иру жалели: новая жертва известного московского сердцееда. Одна дама даже открытым текстом заявила друзьям Бразговки, у которых она жила: «Что ж вы смотрите? Такая хорошая девушка — и пустилась во все тяжкие!»

Друзья тоже пытались вразумить Иру, но... Ее уже затянул мир Кончаловского, и дверь оттуда захлопнулась. Ей было интересно с Андреем. Он водил ее по выставкам, театрам, много рассказывал о своей жизни, работе, планах. Умел успокоить, как никто другой. Бывало, Ирина позвонит ему в расстройстве, а он ей: «Пойди сначала помой голову, потом поговорим». Ирина мыла, на душе становилось легче. И Андрей продолжал терапию: «А теперь ложись в постель, расслабься. Подумай о чем-нибудь хорошем...» Так под его убаюкивающий голос и засыпала. Какие тут семнадцать лет разницы в возрасте? Она чувствовала себя с ним на равных. И понимала: ему тоже любопытно с ней.

— Я по натуре человек очень спокойный, — продолжает Ирина. — И наши с Андреем отношения тоже были лишены страстей. Но однажды я все-таки совершила безумный поступок. Мы встречали старый Новый год в ЦДЛ. Собралась большая компания, все веселились. Играли в беспрогрышную лотерею. Я тоже выиграла — перекидной календарь. И тут мне стало вдруг ужасно грустно. Полагаю, выпила лишнего. Может быть, это что-то провинциальное, но возникло чувство неприятия этой киношной тусовки. Зоопарк! «Так хочется сделать что-нибудь этакое», — сказала я Андрею. — Крикнуть, например, послать всех к черту». «Ну встань на стул и пошли», — спокойно ответил он. Я и встала. Посмотрела на всех сверху вниз да как швырну календарь. Все листочки разлетелись по залу, и я почему-то подумала о том, что в следующем году мы с Андреем расстанемся...

Андрей никогда не обманывал Ирину. Сразу дал ей понять: длительных отношений у них быть не может — он уже собирался уезжать в Америку. Да Ирина и сама понимала: она не из тех женщин, что могут удержать такого человека... Порой накаты-

вало острое чувство потери. Чем его заглушить? Слишком серьезными стали их отношения. Андрей много вкладывал в Иру. Приезжая из-за границы, привозил ей разные красивые вещи. Все без исключения оказывались кстати. Учил ее держать осанку, красиво ходить и, главное, любить себя и в себя верить, чего 25-летней актрисе и певице так не хватало. Причем «уроки» давались очень корректно и ненавязчиво. Пытался Андрей ей помочь и профессионально. После ВГИКа Ира пела в фольклорном ансамбле Дмитрия Покровского. Но Кончаловский хотел, чтобы она, как и раньше, снималась. Заставлял пройти фотопробы для какого-то фильма. А Ира боялась пересудов. Вдруг кто-то подумает — с Кончаловским она из корыстных побуждений. И от проб отказалась.

А однажды Андрей решил девушку крестить. Прямо у себя дома. Ему казалось, что этим поможет ей обрести новый смысл в жизни. «Было страшновато и смешно, — вспоминает Ирина. — Я стояла в сторонке в рубашке Андрея — свою забыла — и от зажатости все время посмеивалась. Совершенно не понимала, что происходит». А священник тем временем ставил на кухне тазик, зажигал свечи. Обязанности крестной матери выполнила ассистентка Кончаловского. А вот крестным отцом пришлось стать самому батюшке. Андрей наотрез отказался участвовать в таинстве, мотивируя это тем, что у него с Бразговкой иные отношения.

В Америку он уехал по-английски. Ира узнала об этом, вернувшись с гастролями. Теперь она думает, что таким шагом Андрей хотел облегчить тягостные минуты прощания. Или избежать его совсем. Ну а она тогда страшно мучилась... Потом заставила себя вычеркнуть Андрея из своей жизни. Будто бы его и не было никогда. Но тут свалилась новая беда — беременность. И Ира снова впала в депрессию. Ребенок был так некстати... Частые гастро-ли, нехватка денег, отсутствие квартиры, не говоря уж о муже. А какой удар для родителей, оставшихся в Минске! В общем, решила делать аборт. «Помню, сижу накануне с подругой на кухне и вдруг понимаю: ни-ку-да я не пойду, потому что уже люблю этого малыша».

Тут появился в ее жизни Александр. Быть может, как дар Божий, а может, как новое испытание... Он оказался женат. Очень любил жену, но любил и Ирину. Она к нему тоже привязалась, согласилась делить его с другой женщиной...

— Тем временем у Саши возникли проблемы с милицией... Встретились мы с ним однажды: «Ирка, меня посадят». Я предложила: «Если тебя вызовут снова, скажи, что у тебя есть невеста и она беременная. Возможно, тебе это поможет». Так он и узнал о будущем ребенке. Хотя я не собиралась ничего говорить... Обрадовался, стал заботиться обо мне, опекать... А я всю свою беременность пела, пела... Выходила с пузом на сцену. Покровский тогда говорил в зал: «Вот у нас в ансамбле эксперимент. Женщина на сносях». Мы же поем, опираясь на диафрагму. Большая нагрузка на плод... В декрет я ушла за неделю до родов. Близкие друзья сняли для меня комнату и сами стали ее оплачивать...

РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ

Врачи всегда говорили, что Ирина носит мальчика. Однако на свет появилась девочка — Дашка. Очень больная. Посмотрев на желтый цвет ее кожи, даже молодая мама поняла: что-то с малышкой неладно. Что именно — в роддоме не знали, но тем не менее приговор вынесли: бороться за жизнь бесполезно — умрет все равно. Если только сама себя не вытащит. «Я не молилась Богу, не уповала на чудо. Просто кормила дочь и видела, как она борется за жизнь. Хорошо кушает, набирает в весе... От этого во мне появилась какая-то странная уверенность — Дашка выживет».

Прямо из роддома Ирину с ребенком перевезли в больницу. Там и поставили диагноз — цитомегалия, вирусное поражение печени. Александр проштудировал массу медицинской литературы по поводу этой загадочной болезни и стал самостоятельно Дашу лечить. Добыл где-то мумии. Поехал по пасекам собирать пергу — то, чем пчелы склеивают соты. Причем перга требовалась строго определенная — с щавлевых полей... А вернувшись, каждое утро приходил в больницу и первым делом смотрел в глаза медсестрам, стараясь понять,

все ли в порядке с дочерью. Врачи ведь ничего не говорили о течении болезни ребенка. «Не положено»... В критических ситуациях родителям приходилось выкрадывать историю болезни Даши Бразговки, нескольких месяцев от роду. Только так они получали возможность проследить динамику ее болезни.

— Это счастье, что Саша оказался рядом. Он очень много сделал для нас с дочерью. Мы пятнадцать лет просуществовали рядом. Если бы не он, я бы не выдержала. Даша ведь пролежала в больнице год. С раннего утра я неотлучно сидела у ее кроватки. А к вечеру меня выгоняли. И тогда в больницу приходил Саша, залезал по карнизу на второй этаж, стучал по окну палаты дочки и будил задремавших сиделок, за что неоднократно попадал в милицию. Он боялся, что ребенок останется без присмотра... Вообще Дашка у нас была спокойной. Бывало, я ее покормлю, и она засыпает. И тогда я нянчилась с другим малышом — он лежал в той же палате. Родители от него отказались, а я собиралась усыновить. Мне, конечно, не дали. Постоянного заработка нет, мужа — тоже... Я очень переживала. Саша, как всегда, поддержал.

Оказался он надежной опорой и в другой сложной ситуации. Даша еще лежала в больнице, а Ира уже ждала второго ребенка. Из-за болезни дочери, однако, боялась рожать во второй раз. Врачи тоже предупреждали — не рискуй. Но Саша — свободный художник не только по профессии, но и по мировоззрению — сказал: «Раз так получилось — оставь». И Ира решилась. Родилась Сашенька. «Сейчас бы я, наверное, на подобное не пошла. А тогда была молодой, думала: «Ну, как-нибудь Бог поможет». Да потом, я так любила детей... Всегда хотела иметь пятерых. Не меньше. Ко всему почему в тот период решилась и наша жилищная проблема — нам дали в Бескудникове двухкомнатную квартиру. Кооперативную. С деньгами родители помогли. И Дашку после выписки я привезла прямо туда».

Естественно, о работе в ансамбле Покровского Ирине Бразговке пришлось забыть. Какие уж тут гастроли? Большой ребенок, сама с животом. Хорошо, на помощь пришла знакомая девочка. Больше пяти лет прожила у Бразговок. Вырастила

обеих Ириных дочек — Дашу и Сашу, обе ее просто обожают...

— Когда Даше было два годика, а Саше один, от всего пережитого мне стало вдруг так тяжело! — рассказывает Ирина. — Дашкина болезнь, переезд с места на место. Работы нет... Полная потеря сил — и физических, и моральных. Я вообще-то не истеричка, но начала срываться на Александре, орать на детей... С собой надо было что-то делать. Я понимала: ну не имею я права быть уставшей, истощенной. Все бродила по Москве, думала. Ходила и к врачу, но проблема осталась. Никак не получалось выскочить из этого замкнутого круга. Еще задолго до нервного срыва я уяснила для себя истину: плохо тебе — не пытайся боль пересилить, отдайся ей до конца. Потом обязательно будет лучше. Поступила так и в тот раз. Одновременно решила сыграть с собой в такую игру: как будто бы мы с дочками просто хорошие соседи. Их няня жила с нами, и принять условия было просто. После этого мне сразу же стало легче. Я поняла, что выкарабкалась.

С душевной проблемой Ира действительно справилась. С материальными вот не смогла. Бразговки всегда жили трудно. Не голодали, но и сытой их жизнь называть было нельзя. Даша сильно болела — требовались дорогие лекарства. Но организм девочки по-прежнему боролся. И к одиннадцати-двенадцати годам победил цитомегалию. Денег, впрочем, от этого не прибавилось. Девочки быстро росли. «Как трава», — подчеркивает Ирина. Если бы не друзья — они постоянно делились одеждой, — пришлось бы совсем тяжко. Помогали по мере сил и родители. Папа тоже не забывал. Правда, как у всякого свободного художника, с работой у него было то густо, то пусто... Навещал своих девчонок он регулярнее — почти каждый день. Даже когда в его официальной семье появилась дочь, он не изменил своих привычек. «Нам очень повезло с папой, — считает Ирина.

— Хотя детей я и воспитывала одна».

Одной ей пришлось объяснять девчонкам и почему в их семье все не так, как в остальных. У всех папы возвращаются с работы домой, а у них папа ночует где-то в другом месте... Нелегко подыскать нужные слова к этим тысячам детских «почему». Но Ира старалась. И никогда ничего не скрывала от своих дочерей-соседок. Стала им лучшей подружкой. Девочки были в курсе всех маминих дел.

Помогали зарабатывать ей деньги. Когда Ирина надумала мастерить разные колечки, сережки, Даша с Сашей ездили с ней продавать их в Измайлово и на Арбат. Несколько раз относили украшения в магазин — там брали все без остатка. Когда Ира снималась в кино — режиссеры ее изредка вспоминали, — дочки тоже всегда были рядом.

Только когда они пошли в школу, Ира смогла устроиться в фармацевтическую фирму — продавать лекарства. После нее работала в газете «Вечерняя Москва». Вела рубрику «Кино», составляла афиши, пробовала писать. Но жизнь все равно не налаживалась. Безденежье и отсутствие полноценной семьи сильно изматывало. Саша приходил и уходил, а рядом так хотелось иметь постоянную опору.

— Ну сколько можно было жить на две семьи? Сколько можно терпеть? Я много раз пытаюсь изменить ситуацию. Не получалось... Наконец поставила его перед

выбором... Мы очень мучительно расставались... Я осталась совсем одна... Выговаривалась только подруге, у которой жила во время своей первой беременности. Она была в курсе всех моих дел. Очень переживала. Видя, как мы живем, не раз советовала мне обратиться за помощью к Кончаловскому — все-таки Дашин отец. Но я не хотела ворошить прошлое. И даже Дашино сходство с Андреем не вызывало во мне никаких особых чувств.

Постоянно давил на Иру и другой ее друг — режиссер. В его семье Бразговка жила во время своего романа с Андреем. «Ну когда ты скажешь Кончаловскому, что у него дочь?» «Зачем?» — не понимала Ирина. «Дура, что ли?» — удивлялся друг. Нет, никакой обиды на своего соблазнителя она не испытывала, мстить не собиралась. Просто навсегда закрыла эту страницу своей биографии. Вспоминала, конечно. Особенно когда по телевизору шли интервью с ним. Обязательно звала детей. «Послушайте умного дяденьку». Даша с Сашей смотрели всю «Сибириаду». Фамилии режиссера, правда, так и не запомнили.

ВТОРЖЕНИЕ КОНЧАЛОВСКОГО

— Я много лет противилась вторжению Андрея в нашу жизнь. Но друг-режиссер не утерпел. В один из приездов в Россию Кончаловского сообщил ему по телефону о Даше. Я догадалась, что это был именно он, и серьезно с ним поссорилась. Понимаю, конечно, он хотел только добра, но вместе с тем внес столько переживаний в нашу жизнь...

Когда Ира услышала в трубке голос Андрея, то испугалась. Она не знала, как будет развиваться ситуация и, главное, как отреагируют на нее дочери. Но встретиться с отцом своего ребенка все же согласилась. Он повел ее на концерт в консерваторию, а потом в ресторан поужинать.

— Кончаловский никак не хотел верить, что Даша его дочь. Он даже не вспомнил наши с ним отношения семнадцатилетней давности. Но тем не менее спросил: «Какая она?» «Замечательная», — ответила тогда я. И подчеркнула, что не собираюсь ничего ему доказывать и ничего мне от него не нужно... «Давай оставим все как есть», — попросила. Андрей согласился: «Как хочешь, так и будет». А потом поинтересовался, нужны ли нам какая помощь. Дашка тогда оканчивала школу, и Андрей предложил оплатить курсы английского языка. Для обеих девочек, чтоб никого из них не выделять. Я была этим просто потрясена...

После той встречи Кончаловский — человек очень конструктивный — стал Ире часто звонить, интересоваться, какие курсы она нашла и что еще можно сделать. Но при этом просил Даше ничего о нем не говорить. Ира и сама

была заинтересована. В шестнадцать лет ломать жизнь ребенку? Правда, ребенок уже что-то подозревал. Некто о нем стал вдруг заботиться, дал денег на изучение языка...

Какое-то время Ире удавалось уйти от прямого и очень болезненного разговора с дочерью. Она объясняла Даше: это, мол, друг. «А какой?» — не унималась та. «Старый,

мы вместе учились во ВГИКе», — отмахивалась Ирина. Но потом ситуация обострилась. И мама сдалась.

— Когда я назвала Даше фамилию ее родного отца, то почувствовала, как уходит из меня жизнь, — вспоминает Ирина. — Такая пустота образовалась... А Дашка покраснела так, как не краснела ни разу в жизни. Превратилась просто в пунцовую. Еще бы, такое потрясение!.. Выбежала из кухни. Стала рассматривать себя в зеркале. Видимо, искала черты лица Андрея... Сразу же рассказала обо всем Саше. Ее новость тоже ввергла в смятение...

А дальше, после признания мамы, Даша стала ждать перемен и сопоставлять. Вспомнила фразы подружек о том, что они с Сашей очень не похожи, видимо, от разных отцов. (Даша была беленькой, Саша — черненькой.) Поняла, почему папа Александр всегда выделял не ее, а сестру. «Он действительно интуитивно отдавал предпочтение Саше, — говорит Ирина. — И подарки дарил им разные».

Девочка слышала, как мама ведет с Кончаловским переговоры о ее дальнейшей учебе, и мучилась оттого, что он не хочет с ней познакомиться. Когда же Андрей пригласил Бразговок участвовать в своем шоу на Красной площади, посвященном 850-летию Москвы, Дашка была на седьмом небе от счастья. Начала отсчитывать дни...

В первый раз они увиделись на репетиции. Ира уже предупредила Андрея о том, что Даша все знает. И он, наверное, очень нервничал, боялся встречи. Раз прошел мимо сцены, где они пели, другой... На третий Ира сама подвела к нему дочек. Познакомила: «Даша, Саша...» Пара ничего не значащих фраз... «До свидания...» Все... На следующих репетициях, правда, Андрей подходил к Бразговкам уже сам. Обнимал Дашу, светящуюся от счастья, спрашивал, как дела. Но дальше этого дело не шло... С Дашкой началось что-то невообразимое. «Кончаловский не хочет со мной общаться!!!» — ревела она. Стала нервной, раздражительной. Постоянно плакала, ссорилась с сестрой. И остро чувствовала себя одинокой. Саша тоже упала духом. Замкнулась в себе... Такое творилась в семье! Ира хваталась за голову и разрывалась между двумя дочерьми.

Спас положение Андрей. Он позвонил Ире и предложил отправить Дашу учить язык в Америку. На четыре месяца. Дашка тогда завалила экзамены на журфаке МГУ и была совершенно свободна.

— Жила Даша в Сан-Франциско, Андрей — в Лос-Анджелесе, но виделись они чаще, чем в Москве, — рассказывает Ирина. — А когда у дочери возникли какие-то бытовые проблемы с семьей, у которой она жила, Андрей сильно поддержал ее морально. Это их очень сблизило. Но по-настоящему родными людьми они стали после возвращения Даши из Америки. Кончаловский попал тогда в автокатастрофу, сломал руку... Даща навещала его каждый день. Перешла на «ты», следом назвала папой...

А сентябрь 1998 года Даша снова уехала в Америку — учиться в колледже. Но выдержала там всего полгода — затосковала и вернулась домой. Теперь собирается поступать в университет юрфак. Усиленно занимается с репетиторами, которых тоже оплачивает Кончаловский. «Представьте, у обеих девчонок летом экзамены! — ужасается Ирина. — Саша выбрала факультет компьютерного дизайна в энергетическом институте. Я, наверное, повесчу!»

Впрочем, к трудностям Ирине Бразговке не привыкать. Жизнь ее не очень-то баловала. Может быть, только сейчас, к сорока с лишним годам, вдруг решила вознаградить за пережитое... У нее выросли чудесные дочки. У старшей, Даши, — легкий и веселый нрав. У младшей, Саши, — удивительная сила духа и мудрость. Если бы не эти качества дочери, считает мама, их «маленькая дружная семейства дала бы большую трещину»... А год назад Ирина вышла замуж. За человека, которого знала десять лет. Он, правда, живет в Питере. Но Ира проявляет удивительную стойкость, деля себя между двумя городами. И между дорогими людьми. «Я всех бесконечно люблю, — признается она. — Всем благодарна. И ни о чем не жалею...»

Фото из архива Ирины БРАЗГОВКИ

Давид Тухманов

«Мы мечтали, чтобы наши песни звучали по радио и на улицах их пели пьяные»

Елена СВЕТЛОВА

Специально для «Совершенно Секретно»

Даже неполный список тухмановских шлягеров впечатляет: «Последняя электричка», «Соловычная роща», «Эти глаза напротив», «Мой адрес — Советский Союз», «Я люблю тебя, Россия», «День Победы». Композитор сочинил около трех сотен песен.

Он буквально ворвался в музыкальную жизнь страны, свежие мелодии напевали все поголовно, диски «Как прекрасен этот мир» и «По волне моей памяти» расходились миллионными тиражами, которых все равно не хватало. И вдруг — тишина. Человек, создавший музыку для нескольких поколений, исчез. Поползли слухи: эмигрировал, бедствует, играет под чужой фамилией в ресторане...

Интервью 1999 года

— Давид Федорович, говорят, что для создания легенды о человеке необходимы два условия: общественный интерес и минимум информации. Похоже на ваш случай.

— Минимум информации объясняется моим стеснительным характером. Кроме того, я всегда считал свою профессию закадровой. А интерес других людей, конечно, тешит самолюбие. Я счастлив, что в России меня любят и вспоминают мои песни.

— Юные музыканты, помимо восхищения, вызывают сочувствие. Вместо того чтобы гонять в футбол, ходить в кино или висеть на телефоне, они вынуждены часами играть гаммы и разбирать ноты. Или вы были примерным мальчиком, которого не приходилось силой усаживать за инструмент?

— Отнюдь, таким мальчиком я не был. Но родители, особенно мама, очень хотели, чтобы я был музыкантом. Мама в свое время училась в Институте Гнесиных и ждала, что я пойду по ее следам. Это причина, почему я не учился в консерватории. В семье даже не полагалось думать о чем-то другом. Мне хотелось гулять со сверстниками. Меня больше интересовала техника, свои мечты я реализовал позднее, когда стал заниматься звукозаписью. Так что прилежанием я не отличался. Мне было скучно, не хотелось упражняться на фортепиано, поэтому пианиста из меня не получилось. В Институт Гнесиных я поступал на теоретико-композиторское отделение. Пятерками не блестал, в воспитательных целях мне ставили даже двойки, хотя у меня всегда были замечательные музыкальные способности.

— «Последнюю электричку» вы сочинили вдвадцать три года, песня сразу стала шлягераом. Помните, как она родилась?

— Мы тогда очень дружны были с Михаилом Ножкиным, разъезжали по концертам, где он пел свои куплетики, а я сидел за роялем. Мы мечтали, чтобы наши песни звучали по радио, чтобы на улице их пели пьяные. «Последняя электричка» написалась легко, играючи.

— Что вы ощущали, когда вокруг пели ваши песни? Не хотелось крикнуть: «Я — автор!»?

— Мне было даже приятно, что окружающие не знали о моем авторстве. Успех удивлял, открывал. Порой был неожиданным. Например, я никогда не думал, что роман «Напрасные слова», который спел Малинин, будет популярным.

— Вы сочиняли в расчете на конкретного исполнителя?

— По-разному. Мне нравился голос Валерия Ободзинского. С моих вещей начал карьеру Валерий Леонтьев. Мы с ним испытывали большие трудности, потому что в ту пору певцы с его манерой исполнения не всегда принимались на телевидении. Бывало, приготовим номер,

отрепетируем, запишем, а потом товарищ Лапин, который тогда руководил Гостелерадио, будучи в дурном настроении, брал большие ножницы и вырезал целые куски. Раздражала прическа Леонтьева, не нравилось, что он лишний раз поворачивался вокруг своей оси. Валерий вспоминал, как его заставляли неподвижно стоять перед камерой в костюме и галстуке, чтобы потом не вырезали из эфира.

— Известно, что песня «День Победы», которая и сегодня трогает до слез, не сразу попала в эфир. К словам поэта Владимира Харитонова претензий не было, зато в мелодии музыкальные идеологи находили отголоски танго и фокстрота...

— Да, песню не приняли на конкурсе к тридцатилетию Победы, который был объявлен в Союзе композиторов. Она прозвучала в прямом эфире в концерте ко Дню милиции. На мой взгляд, история с песней — недоразумение, но оно демонстрирует возможности той системы.

— Скажите, Давид Федорович, вы были богатым человеком?

— Относительно людей, которые ходили на работу и жили на зарплату, безусловно. Но по сравнению с моими коллегами на Западе, чья музыка пользовалась таким же

успехом, как моя, меня нельзя было назвать богатым.

— Но атрибуты обеспеченной жизни у вас имелись?

— Безусловно. Был какой-то набор, который назывался «мечта обывателя». Квартира в центре, дача в Абрамцеве, двадцать первая «Волга» горчичного цвета...

— Вы были кумиром публики. Успех притягателен, особенно для женщин. Признайтесь, Давид Федорович, у вас много было поклонниц?

— Это мне неизвестно. Искусство состоит из двух вещей: собственно искусства и успеха, который к нему прилагается.

— Но письмами вас заваливали?

— Писем от женщин было много, но я на них не отвечал. Я боялся своей жены.

— Невозможно поверить...

— Что я боялся? Пятьдесят процентов мужчин боятся своих жен.

— Она была такая ревнивая?

— Все жены ревнивые.

— Может быть, вы таких женщин выбираете?

— Или они меня.

— Меня поражало какое-то несовпадение вашего облика с музыкой, которая была настоящим прорывом в будущее. Автора модных шлягеров невольно представляешь себе

манерным щеголем, с непомерным самомнением, каждым словом и жестом подчеркивающим свою исключительность. Вы никогда таким не были.

— Я произвожу впечатление скромного человека. На самом деле это понятие не совсем правильное. И, к сожалению, та скромность, которая, как нас учили в школе, украшает человека, в сегодняшней жизни почти порок и очень мешает делу. Нам говорили: «Не хвали себя, пусть о тебе другие скажут». Когда я приехал на Запад, понял, что этого можно прождать всю жизнь. Здесь все о себе говорят самое лучшее. Они нескромные люди? Но они прекрасно воспитаны, умеют вести себя в обществе. Это свободные люди. Им даже мысль в голову не придет, что нескромно себя расхваливать. Просто другие точки отсчета. В нашей скованности в какой-то мере виноват «железный занавес», советский режим. И если вы спросите меня, кто мой любимый композитор, скажу, что я сам. А почему я должен любить кого-то еще? (Смеется.)

— А почему вы оказались именно в Германии?

— Это чистая случайность. Так повернулась судьба. Сыграли роль личные мотивы. Но я не являюсь эмигрантом ни в каком

“Когда я пересек границу, сразу сказал себе: «Не надо из себя воображать. Меня здесь никто не знает. Не буду же всем рассказывать, что я в России знаменитый композитор». В ту пору игра в ресторане считалась работой второго сорта. Это тяжелое и малоприятное занятие. Если вы выступаете в концерте, внимание всех людей приковано к вам.

СРЕДИ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ТУХМАНОВСКИХ ШЛЯГЕРОВ ЕСТЬ ТАКИЕ ЗВЕЗДЫ, КАК ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ, СОФИЯ РОТАРУ, ЛЕВ ЛЕЩЕНКО...

смысле этого слова. В Германии удобнее работать, поэтому большую часть времени я провожу там.

— Правда ли, что вы играли в ресторанах?

— Время от времени. И если сейчас мне предложат месяц или пару недель поиграть в ресторане, может быть, не откажусь. В зависимости от того, выгодно это или нет.

— Знали бы немцы, запевающие айсбайн пивом, кто для них играет... Вы испытывали какой-то дискомфорт?

— Когда я пересек границу, сразу сказал себе: «Не надо из себя воображать. Меня здесь никто не знает. Не буду же всем рассказывать, что я в России знаменитый композитор». В ту пору игра в ресторане считалась работой второго сорта. Это тяжелое и малоприятное занятие. Если вы выступаете в концерте, внимание всех людей приковано к вам. Вы пробыли на сцене десять — пятнадцать минут, спели две-три песни — аплодисменты, цветы. В ресторане играешь три-четыре часа с небольшими перерывами. Люди сидят и разговаривают, в какую-то секунду отрываясь от тарелки и слушая тебя. Феномен этой работы заключается в том, что музыка должна и не должна быть. Хочу заметить, что сегодня в Германии работа пианиста в ресторане или в лобби отеля оплачивается не меньше, чем труд среднего служащего, учителя или инженера, и пользуется таким же уважением. И здесь, в России, будет так же.

— Ваша жена — музыкант?

— Да, она певица, пианистка. Это моя вторая жена. Мы познакомились в Германии.

— Как вам кажется, поп-музыка интернациональна?

— Для классики никаких барьеров не существует. А поп-музыка интернациональна в Европе и в Америке. «Железный занавес» нас очень отдалил от мировых музыкальных процессов. На Западе не знают русских песен и не хотят знать. Дело в том, что поп-музыка завязана на коммерции, даже при советской власти этот жанр в какой-то мере обслуживал потребителя. Попробуйте открыть в Германии завод по производству посуды. Инвестируйте деньги, выпускайте конкурентоспособную продукцию — ничего не получится. Невыгодно будет. То же с поп-музыкой. Чтобы продвинуть русскую звезду, надо вложить деньги в ее известность. Не может Алла Пугачева стать популярной в Европе без правильной раскрутки. Не говоря уж о том, что люди любят слушать песни на своем языке. Поп-музыка мирового класса традиционно звучит на английском языке.

— Я наивно думала, что хорошая мелодия легко пробьет себе дорогу.

— Чтобы мелодия показалась хорошей, надо сто раз проиграть ее по телевизору и

по радио. Я говорю не об искусстве, заметьте, а об организации индустрии в области поп-жанра.

— А вам нравится петь?

— У меня от природы нет хорошего голоса, но пою с удовольствием. Когда люди слушают, они не очень замечают, какой у меня голос. Тем более что пою я правильно.

— Давид Федорович, вы совершенно положительный человек. Не курите, не пьете особенно.

— Да, особенно...

— Нам порой кажется, что люди искусства, тем более музыканты, немножко другие, как бы не от мира сего...

— Людей ненормальных немало, но их не так видно, как певцов или композиторов.

— Нужно ли вам находиться в состоянии влюбленности, чтобы писать музыку?

— Нет, я профессионал, мне не нужны экстремальные состояния.

— Можете сочинять в любых условиях?

— Элементарные условия должны быть, конечно. Мне нужны хотя бы покой и тишина. Здесь, в Москве, я не могу работать. Окна выходят на Садовое кольцо, если их открыть, мы с вами просто не услышим друг друга.

— А путешествовать любите?

— Не очень. В свое время много ездил, побывал чуть ли не во всех уголках Советского Союза. Помню свою первую поездку на Запад — во Францию. Страна мелькала в окне туристского автобуса. «Железный занавес» создавал ощущение запретости. Ты не мог купить билет и куда-нибудь поехать. Возможно, это и не нужно было, но человеку необходима свобода, хотя бы ее сознание.

— К вам не обращаются наши поющие звезды с просьбой написать для них песню?

— Конечно, обращаются. Но я не вижу в этом особого интереса. Сейчас все изменилось. Композитора не объявляют.

— Но ведь песня стоит дорого?

— Может быть, здесь дорого, но вы, можно сказать, не платите за квартиру, не тратитесь на медицинскую и автомобильную страховку, бензин чуть ли не в пять раз дешевле. Страховочный пакет в Германии стоит несколько миллионов марок. Машина мне обходится в тысячу-полторы марок в год. Это страхование обязательно для всех. Если вы причините человекуувечье, всю жизнь будете платить ему пенсию. Жизнь там стоит дороже. Две тысячи долларов, которые какой-нибудь Киркоров мне заплатит за песню, я проживу за месяц. Ну, назовет даже мою фамилию. Что, мне это популярности прибавит?

— Но разве вам не обязаны платить процент с каждого исполнения песни?

— Обязаны, но не делают этого. Во-вторых, тарифы сохранились еще те, что были при советской власти. Это копейки. Ну, набежит пятьдесят долларов в месяц. Зачем я буду заниматься коммерческим искусством, если на этом не заработаешь? Уж лучше посвятить себя серьезной музыке, которая мне интересна.

— Над чем вы сейчас работаете, помимо заказов от радиостанций и киностудий? Пишете канты?

— Кантаты. Просто камерную музыку.

— Кто будет ее исполнять?

— Какая разница? Песню мы должны писать на фамилию. Для Малинина, Киркорова. А здесь «адреса» другие: тенор, баритон, бас. Конечно, лучше, если это будет Паваротти...

— Но если вы легко сочиняете песни, почему бы не подарить публике новый шлягер?

— Это мое дело, сколько времени уходит на создание песни. Я растратаю свою энергию. Пятнадцать лет назад я мог месяц ночей не спать, чтобы придумать ту или иную песню. Но тогда Ободзинский спел, по радио исполнили, во всех ресторанах поют — деньги капают. Это была коммерция, пусть и уродливая, по-советски. А сейчас один певец споет, другой уже не будет — нельзя, у первого эксклюзивные права. Выпустили диск тиражом пять тысяч экземпляров, отдали мне мой процент. А еще миллион напечатали сами и продали где захотели. Я их проверю? Нельзя сразу взять и выложить сто тысяч за песню, доход идет за счет массовости. «Титаник» вышел, эта скучная песня тысячу раз прозвучала, получили миллион, и всем хватило. Так работает развитая индустрия.

— Когда будет востребована серьезная музыка? Может быть, вы пишете сейчас в стол?

— Нет, не в стол. Эта музыка не для Киркорова, не для Рода Стюарта, не для Майкла Джексона. Она для тенора. Пройдет пять — десять лет... Рано или поздно она прозвучит.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО МОЯ МУЗЫКА ВНОВЬ ПРОЗВУЧИТ...

Фото Бориса КРЕМЕРА

Борис Иванов: Наш любимый негодяй

Дмитрий ЩЕГЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В кино он играл предприимчивых негодяев различных национальностей («Чисто английское убийство», «Агония», «Версия полковника Зорина»). Они убивали, интриговали, травили — но делали это легко, насмешливо, как бы с французским прононсом. Борис Владимирович не любит нагнетать драматизм. Ни на сцене, ни в жизни. Что до последней, то она сама позаботилась, чтобы скутить краски. Порой до неправдоподобия.

Тот, кто видел Иванова на сцене, с трудом поверит, что ему в 2001 году было 81, что он, мягко говоря, неважко видел, что его левая рука не поднималась выше уровня, отмеченного в 42-м после ранения, что по всему телу — осколочные отметины, а несколько граммов железа так и остались в груди — они даже прощупывались, «за отдельную плату, разумеется», — без улыбки добавляет актер.

Счастливое соединение в его судьбе и характере — драмы и водевиля. Воевал. Умидал. Играл в театре. Был во всесоюзном розыске. Сидел в лагере. Выжил. Вернулся. Этого достаточно на любую жизнь. Он не любит «загружать» своим прошлым. Оно не стало его крестом, камнем, тянувшим на дно. Ему угодно казаться ироничным и легким. Почти легкомысленным. Есть, правда, одна небольшая роль в кино — отблеск личного опыта.

Интервью 2001 года.

— Да, была такая, совсем маленькая, даже название картины забыл. Я играл

бывшего пианиста, довольно старого уже человека. На войне ему перебило пальцы. Жить надо, устроился в ресторан, в ансамбль. Что-то еще умеет. А рядом молодые лабухи в пиджаках, расшитых ромашками. Помню, мне очень понравилось это — что я, старая задница, тоже буду в ромашках. Там я по сцене пел для фронтовиков «Бери шинель, пошли домой» Окуджавы. Хорошая песня, настоящая. Когда пришел ее записывать, вижу — сидит Утесов. Мы с ним познакомились в начале 50-х, в ЦДРИ. Был такой ночной театр или, скорее, клуб — «Будильник», где собирались актеры, знаяшие толк в смешном. Сочиняли, показывали капустники. Утесов нашу команду хвалил. А тут надо петь при нем. Я говорю: «Не могу, Леонид Осипович, у меня горло окаменеет». Он мне: «Перестань, что за новости!» Ну я и спел. Хотя не столько пел, сколько сыграл. Песня стала популярна, ее часто крутили на радио. Потом ее исполнял Алеша Покровский.

— Борис Владимирович, сколько вы уже в театре, пятьдесят лет?

— Работаю пятьдесят пятый сезон. С сорок третьего года.

— И никогда из «Моссовета» не уходили?

— В сорок втором в Рыбинске очень недолго послужил.

— А начинали где?

— В Одессе... Мама у меня домашняя хозяйка, папа рабочий. Он в середине тридцатых вышел из партии. Просто не согласен был со всем происходящим, и все. Не хотел участвовать. Даже не представляю, что бы с ним было, доживи он до 37-го. Но он не дожил, умер от рака. Хотел, чтобы я стал врачом. Но у меня, в сущности, и выбора не было. Во дворе нашего дома жила артистка одесского оперного театра. Она давала мне контрамарки. Я неплохо пел. Знал все мелодии,

ВВЕРХУ: «МИЛЫЙ ДРУГ» СЛЕВА: «ОШИБКА ОДНОЙ НОЧИ». 200-Й СПЕКТАКЛЬ

которые слышал в театре. Потом, еще школьником, попал в статисты одесского театра. В общем, я с самого начала знал, что буду только актером. Окончил Одесское государственное театральное училище. Мы мечтали, что это будет институт, туда принимали на базе десяти классов, но так оно училищем и осталось. Я его закончил 22 июня 1941 года. Мы играли Мольера. Утром надо было прогнать, потом — домой пойти побывать, а вечером, после спектакля, был заказан банкет в гостинице «Лондонской». Деньги собрали, выложились, все ведь пижоны. Ну и началось... С утра все было очень странно. Какая-то техника двигалась, войска. В Одессе вообще это часто происходило. Мы и подумали: мало ли? Помню, пришел домой после прогона. Передавали речь Молотова. Мама заплакала. Я ей: «Мама, о чём ты говоришь?!» Ну и выложил весь тогдашний набор: разъём за три месяца, ни пяди земли, на чужой территории и все такое. Успокоил...

— Спектакль отменили?

— Еще чего! Пошел на спектакль. А в городе уже паника. Мы зазывали всех желающих прямо с улицы. Насобирали человек пятьдесят. Сыграли. Потом девчонок своих проводили домой... Ну и все. 24-го были организованы истребительные батальоны.

— Это что такое?

— А это вот что. Как ни странно, но при немецких налетах социалистическая родина в лице некоторых представителей очень неплохо подсвечивала цели. И не один там какой-то малохольный идиот с фонариком, а очень многие. Был приказ: таких расстреливать на месте.

— И вам приходилось?

— Мне нет, а вот одного моего знакомого расстреляли... Мы всем курсом подали заявление на фронт. Я ушел 6 июля. Попал на краткосрочные интендантские курсы при академии Молотова. Вышел уже лейтенантом. А потом Северо-Западный фронт, Бологое, Старая Русса. После переподготовки в Рыбинске меня отправили в гвардейскую часть.

— Война для вас с чего началась?

— С холода, с холода она началась. Когда приехали, я сразу лег отдохнуть в землянке. Сыро, спать хочется. Только заснул, толкают: «Вставай, эсэсовцев будут судить!» Какие эсэсовцы?! А трое самострелов из своих. Построили. Вывели какого-то полубезумного бедолагу с перевязанной ногой. Кажется, он не очень-то понимал, что с ним будут делать. Мы стояли в каре. Его вывели на середину и выстрелили в затылок. Очень просто. Он даже испугаться как следует не успел. И так второго... Потом

крик: «Вольно, расходись! Я, помню, остался. Подошел. Эти трое лежали, кровь хлестала, как из крана. Кто-то сказал: «Слушай, а у него сапоги-то хорошие...» Помню, он так наступил на ляжку и снянул с убитого — ловко так, умело. И на других смотрят: чего тут особенного?! И пошел. А этих троих зарыли. Тогда ведь приказ только вышел: расстрел на месте. Господи, самострелы! Они ведь через подушку стреляли! Это же кто угодно определить сумеет без всякого проведения экспертизы.

— В части знали, что вы актер?

— А как же. Так и называли: «артист». Но это позже, когда меня назначили начальником штаба батальона. Помню, однажды пришел майор. «Ну, — говорит, — веди, лейтенант, в часть». Я взглянул на карту и повел. Как перекресток, он спрашивает: ну что, направо или налево? Я стою. Думаю. Направо, говорю. Потом опять: а теперь куда? А теперь налево. Ну, давай. Дошли. Выпили. Водки было море — людей повыбило, а водка, причитающаяся им по артикулу, оставалась. Капитан говорит: «А ты ничего, артист, соображаешь, а то прошлый раз один лейтенант прямо к немцам меня и вывел». А немцы-то совсем рядом были — где километр, где полтора. Спал я на ходу. Страх притупился — все время какие-то дела. Хотя потери у нас были огромные...

После того как отстояли Москву, армия фельдмаршала Буша стала наваливаться с севера, со стороны Бологого. Дивизия, в которой служил 22-летний «артист», встала под Крюково. В полку, где служил Иванов (каждый год 9 мая Борис Владимирович встречается с однополчанами — и бывшими, и молодыми), до сих пор уверены, что в могиле Неизвестного солдата у Кремля — их, крюковский солдатик.

Накануне 50-летия Победы Борису Владимировичу позвонили из «Моссовета»: «Вы из 7-й гвардейской?» — «Так точно. Из 7-й гвардейской». — «Вам медаль за оборону Москвы». — «Так я же был под Москвой, когда 7-я уже отошла». — «Какая разница! Полагается, берите». — «Нет, так не пойдет. Так можно наградить меня орденом «Мать-героиня»!»

И не поехал...

— ...Помню зиму 42-го. Немцы еще имели нас, как хотели. Авиация их с нами как с котятами играла. Ребята они организованные, начинали бомбить ровно в восемь утра. В час они обедали. В два опять летели. Хоть часы проверяй.

— А было такое, чтоб, как в кино, из винтовки сбили самолет?

— Да чушь, конечно. Хотя, рассказывали, был какой-то умелец в соседнем полку — подстрелил. Не знаю, куда он там попал, но самолет действительно задымил и упал. Герою — орден и отпуск. После этого весь фронт начал палить. Все бросали и — винтовки в небо. Потом даже приказ вышел: прекратить тратить патроны. Это же было чудо, а оно один раз и случается.

— Когда было страшнее, днем или ночью?

— Ночью они не летали. Бомбили ровно до 18 часов. В пять минут седьмого уже можно было знать, что выжил до следующего утра. А у меня были запасники. Это гроб! С ними ничего нельзя было поделать. Во время бомбежки они просто ложились и умирали. Дикий страх. И не двигались — цели идеальные. Разогнать их не было никакой возможности. Потом немцы еще какие-то шпалы сбрасывали или рельсы — они удивительно гнуно гудели. А когда бомбы отрывались от самолета, их было видно, и можно было понять по траектории, куда ударит: эта грохнет шагах в ста, а эта вроде твоя... Еще бывало, идешь по дороге один — он летит. Так ему, скоту, не лень развернуться и пострелять в тебя. Ну, воюешь ты, гад, с огромной страной, а ловишь на своей машине маленького человечка. И ведь горючее не лень было тратить...

— Борис Владимирович, что-то похожее на правду вы видели в военных фильмах? Вам, наверное, их трудно смотреть.

— Противно.

— А Герман, «Проверки на дорогах»?

— Герман, да. Выходили мы из окружения. Немцы нас на дорогу выдали. Нас человек двадцать осталось в роте. И вдруг из темноты крик: «Стой, куда?! Дорога заминирована!» Я первый шел — кому ж прикажешь? Дошли. «Артист пришел! Держи стакан!» Я, кстати, водку на фронте первый раз выпил. Перспективы солнечные: полк шел на переформирование, полтора месяца рапортской жизни. Встретил знакомого капитана. Разговорились. И вдруг слышу — летит. Мы с капитаном еще несколько шагов прошли. Взрыва я не слышал. Это довольно странное ощущение: как будто из печки сзади на тебя угларным газом ударило — только во сто крат плотнее, так мягко, но сильно толкнуло. Лежу и вижу: капитан мой уходит, уходит. Я ему крикнул что-то и выругался. Кажется, довольно грязно. А дальше все как у Толстого — небо, тишина и я один. Проявлялся всю ночь. Капитан этот, когда пришел в часть, сказал: «Там вашего лейтенанта убило». Я и сам думал, что меня уже нет. Тепло, хорошо, ничего не надо. Кровища столько, что когда меня все-таки подобрали, пришлось оттирать от земли — намерзло. Среди приличных ранений было и неприличное — в задницу. А так все пробито — ноги, руки, шея, плечо.

— А что же капитан этот?

— А капитана накрыло недели через две, тоже во время бомбёжки. А я, значит, выжил. Нас везли в санитарной машине — такой большой автобус с крестом наверху. Так немецкие самолеты все равно за нами охотились. Они летят — нам команда: ходячие, выходи! Они выходили, а мы лежали и ждали... И так по несколько часов. Я долго не мог подавить в себе ненависть к немцам. Честно скажу — очень долго. Тут что-то на уровне физиологии.

— С мародерами сталкивались?

— А как же! Лично и не раз. Этых сук надо расстреливать. Тут ничего нельзя объяснять. Это выродки. Человеческое

отребье. Мародер — это диагноз. Как бешеный пес. Был у меня знакомый старлей. Однажды подошел ко мне и сказал: «Вот, возьми мои часы. Меня завтра убьют. Носи». Не обманул. Вот эти часы у меня и выкрали мародеры. И не только часы, конечно... Письма матери выкинули, деньги взяли. Лежал я у входа в госпиталь — места не было, — они там и шныряли, сволочи. А у меня ведь даже послать их не было сил... Мне снежок на губы клали вместо воды. Плечо нагноилось, вместо руки — коричневая плеяда. В госпитале хирург спросил: «Ты кем на гражданке был?» — «Артистом». — «Ну, был артистом, станешь бухгалтером». — «Нет, не буду». — «Ну и дурак. Ампутировать надо руку. Скажи спасибо, что хоть левую, а не правую».

Резать я не дал. Руку спасли. Когда наложили гипс, началась дикая чесотка, червяки завелись, в общем, все прелести. Под гипс не добраться — так я чесал гипс о табуретку, о стулья. Сухожилия атрофировались, надо было заново восстанавливать. Пришел врач, а с ним хорошенькая такая курносенькая сестренка. Врач говорит: «Такая ситуация... На сколько сейчас сможешь руку поднять, на сколько и всю жизнь поднимать будешь. Предупреждаю: будет очень больно, так что ори, сколько влезет». Я ему: «На спор — не заору». — «Заорешь, заорешь», — говорит. Поспорили на тарелку супа. Мне тогда все время хотелось есть. А курносенькая стоит. Глазками стреляет. Какое ж тут заорать! Стали поднимать мне руку — выше, выше... В общем, когда я после обморока пришел в себя, суп уже стоял на табуретке.

Рука поднялась невысоко. Впрочем, для человека, вернувшегося с того света, и это счастье. Для актера — пусть и чудом спасшегося — не очень. Режиссеры не слишком любят, когда им ограничивают простор для фантазии в мизансценах. Наверное, это отдельная тема. Выходит, Иванов руку не потерял потому, что

родился актером. Глядишь, был бы бухгалтером, согласись обреченно — пилите.

Профессия помогла. Она же едва и не угробила. Ведь шел еще 43-й год.

— Как вы оказались в Рыбинске?

— В Рыбинск я попал после того, как меня обокрали в поезде, на станции Всполье. Вытащили все документы и деньги. Пока восстанавливали бумаги, мне в дирекции театра сказали: ну, тогда поработайте пока у нас. Я начал работать и постепенно вошел в репертуар. А выйти из него уже не смог...

Директриса попалась решительная: никакой Москвы, бери огород, женись, обзаводись хозяйством, у нас мужиков совсем не осталось. Не согласен? Посажу! Побег во время военных действий. Иванов все-таки бежал, во время одного из своих спектаклей. Недоощенил то обстоятельство, что муж решительной директрисы был городским прокурором. Объявили во всесоюзный розыск. Нашли молодого актера уже в Москве: Юрий Завадский принял его в труппу Театра имени Моссовета.

— Пришел я в театр с рюкзаком. От кого вы? Да ни от кого. Показался Завадскому. Он сказал — приходи завтра на репетицию. И добавил: «Только ты имей в виду — в театре я всех называю на «ты» и по имени». Я начал работать. И вот после всего, что было, — после фронта, бомбёжек, ранений, госпиталей — я сижу в теплом зале, а на сцене сплошные звезды, первые имена России.

— А всесоюзный розыск?..

— А это само собой. Пришли за мной ночью — я жил в Лаврушинском переулке. Милиционер сказал: «Знаешь, ты паспорт мне не отдавай, а то потом намучишься». И я оставил его в комнате. Это было в день, когда пленных немцев вели по Москве. Сидел я на Петровке, с ворами. Они ребята сентиментальные до чрезвычайности. Любят красивое — разумеется, с их точки зрения. Я им анекдоты рассказывал. Пахан выделил мне лучшее

СЛЕВА: «ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ УБИЙСТВО». С. А. БАТАЛОВЫМ. СПРАВА: КИНОПРОБА. СПРАВА ВНИЗУ: «ИИСУС ХРИСТОС — СУПЕРЗВЕЗДА»

ОСЕНЬ 1942 Г. В ЦЕНТРЕ: 9 МАЯ. ОДНОПОЛЧАНЕ СПРАВА: ЖЕНА – НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА.

место в камере. В тюрьме я часто писал прошения заключенных Калинину. В общем, насмотрелся, наслушался.

В лагере под станцией Грибово Иванов, к счастью, пробыл недолго: приговор — три месяца. Когда вернулся, актеры встречали без особых эмоций: «А-а, наш каторжанин...» Так, словно ничего особенного не произошло — репетицию проспал. Эка невидаль — три месяца, детский срок. Первое время жить было негде. Ночевал то в театре, то на Павелецком вокзале в ресторане под роялем. Потом снимал угол. Пошли вводы в спектакли, первые роли. Быстро набрал репертуар.

Борис Владимирович, вас не угнетало, что в то время Театр Моссовета был буквально перенаселен звездами: Раневская, Орлова, Марецкая, Плятт, Мордвинов, Ванин...

— Не угнетало, просто необходимо было всегда держать дистанцию. Я ведь всех их боялся. В первую очередь Фаину Георгиевну. Я ее боялся и обожал. Кажется, не пережил бы ее резкости. Она могла обидеть, это за нее водилось. Но, Господи, как же с ней было интересно говорить! Она много выдумывала. Особенно на тему «Я нелепая, а все надо

мной глумятся». Помню такой сюжет. Раневская рассказывала, как ехала в трамвае в Одессе и увидела очень бедно одетую женщину с ребенком. Хотела дать ей денег, но не решилась — та не взяла бы. Тогда решила незаметно бросить сто рублей ей под ноги. Бросила. Женщина не реагирует. Проходит несколько минут. Фаина Георгиевна не выдерживает и говорит: «Смотрите, вы деньги уронили». Женщина отвечает: «Что вы! У меня и денег-то таких никогда не было». Раневская: «Берите, я же видела, что вы уронили». Та отказывается, чуть ли не в слезы. А справа сидит толстенная такая одеситка, которая вдруг как закричит: «Дамы, да что вы спорите, это же мои деньги!» Хвать стопорлевку и к себе в сумочку. Было это или нет, не знаю, но это один из ее сюжетов.

А вот еще. Однажды в Одессе к Раневской подходят две женщины и говорят: «Тварищ Ранецкая, мы знали, что вам было плохо на хастроли. Ми рады, что вы оздорвались. Но представляете, если бы вы умерли в Одессе? Какая бы то была для нас честь!»

Или Раневская рассказывала, что она как-то шла по улице после репетиции, и сзади одна тетка сказала другой: «Ты смотри, наш Муля пальто себе купил!» Раневскую больше всего возмутило, что Муля — в мужском роде: «Даже женщины меня не считают!»

А Серафима Бирман! Совершенно другой стиль. Мудрая, странная, мужского склада в профессии, она знала корни театра. Я с ней много работал. Она могла, например, «объяснить» роль так: «Это же элементарно! Как двояковыпуклая чеченица...» Или: «Это человек с прекрасным пищеварением». Это было дико, странно, но ты никогда не был с нею спокоен. Она все время что-то приносила на репетиции, выдумывала. Мы жили в ощущении постоянной радости от театра.

— Розыгрыши любили?

— Обожали. Это же продолжение профессии. Только эти розыгрыши в пересказе сильно теряют... Я, например, мог расколоть Мишу Погорельского... «на палец». Просто высунуться из-за кулис и с трагической мордой показать Мише палец. Ну что тут смешного? А он чуть не задыхался от смеха.

Разыгрывали и дурачились постоянно. И в театре, и вне его. Плятт с Пироговым бегали голыми от милиционера вокруг храма Христа Спасителя. При этом Ростислав Янович что-то выкрикивал из своих ролей. Милиционер, начавший понемногу Плятта узнавать, в одну сторону — они в другую. Их за это исключили из профсоюза.

Сережа Цейц... Не знаю, рассказывать? Ну, ладно... Сережа однажды сервировал — прошу простить — свой член. Художественно оформил зеленью, луком, морковью и преподнес на селедочнице одной актрисе. Бедняжку чуть инфаркт

не хватил. Сережа еще стоял статуей в гостиничной нише во время гастролей в Питере. Совершенно голый. Самое главное, что пока он не заговаривал, все верили, что он — действительно статуя.

Потом играем как-то «Стакан воды». Плятт произнес в этой знаменитой английской пьесе слова из современного тогда Штерна — спорил с ним. У Штерна в пьесе был такой текст: «Блудиши, Варвара?!» (говорил ревнивый муж). И вот в сцене с герцогиней Мальборо (!) Плятт выдает эту фразу — и не шепотом, а на полную. Зрители ничего не поняли, решили — послышалось. Ах нет...

— Я не очень-то замечаю эти «традиции» в нынешнем театре...

— А это ушло. Все такие умные стали. Правильные. И скучные. Великий Леонидов как-то сказал: «Все знают, как пожарить яичницу, расскажут, как это сделать: взять сковородку, положить туда масла, разбить яйца и посолить. Но никто не вспомнит, что все это нужно поставить на ОГОНЬ!»

Ведь тогда театр был для нас ВСЕ. Ничего, кроме театра. Сейчас много всего отвлекающего. А главное — добывание денег. Я сейчас не вижу чего-то такого, чем можно восхититься, получить удовольствие: от остроумия или от дерзости.

— Вам не бывает обидно, что нюансы и оттенки смысла, которые участвуют в создании ваших ролей, недоступны сейчас большинству ваших партнеров? Для них это — высшая математика. И еще: нет ли ощущения, что публика — извините — поглупела?

— В провинции — нет. Она там трепетная, умная, целомудренная. Честнее московской. Они верят, сопереживают и увлекаются. Ценят хорошее. В Москве больше снобизма и поверхностности. Потом, театр очень портит телевизор. Зачем куда-то ходить, когда все есть на дому — щелкни кнопкой.

А насчет партнеров... Есть некоторые. Остались. Ну не всем же быть Жаном Габеном, которого я — даже не могу сказать люблю — изучаю! Всего: как он ест, молчит, двигается. Он же ничего не делает! Так почему же нельзя оторвать глаз?!

Потом... Раневская говорила, что выдумывает партнеров. Потому что если бы играла с ними такими, какие они есть, то умерла бы на второй реплике. От тоски и бренности жизни. Если допустить, что я прилично играю Фирса в «Вишневом саде», то не могу сказать почему. Возможно, меня спасла моя человеческая любовь к этому старику. Я действительно люблю Фирса. Я его уважаю. Преклоняюсь перед его жизнью и верностью. Он совершенно живой для меня.

— Борис Владимирович, а были у вас какие-нибудь личные «удовольствия жизни», кроме театра?

— Ну, Господи... Я очень любил с машинами возиться. В свое время так оборудовал свой гараж, что в нем можно было

жить. Вот я машину разберу на кусочки, всю вычищу, вымою, подтяну. Зимой я не ездил. А если весной с первого оборота не заводил, значит, непорядок. Я весь путь прошел — от мотоцикла до «Волги».

— А мотоцикл какой был?

— «Иж-350», черненый такой, пузатый. Я на нем в Питер ездил на гастроли, с рюкзаком. Потом «Москвич» 401-й. Я снялся на телевидении в «Забавном случае» и все деньги на этот «Москвич» и ухлопал. А выучился я водить, сидя на диване. Сидел и переключал скорости, отжимал сцепление. И еще ходил по улице и представлял, что еду. Примеривал движение к машине. Так и ходил. Когда купили машину с приятелем, я ее сам привез домой. Без прав. Это был мой личный триумф. А потом мы с этим приятелем, когда уже у нас появились «Волги», натягивали нитку и ехали несколько часов по шоссе не порвав ее... Это мои удовольствия. А позже появились коктейли... Я полюбил их составлять. У меня около пятисот рецептов. Раньше это делать было безумно трудно. Не было нужных вин. А сейчас навалом, да у меня уже и запал, и здоровье — не те.

...Помню удивление, граничащее с недоверием, когда я узнал о жизни Бориса Владимировича: война, ранения, лагерь. Как-то не взялось все это с его окружным, жизнелюбивым образом, с пристрастием к изящным вещам, коктейлям, его внимательностью и любопытством. Никакой трагической сумрачности, тяжести, подступающих слез. «Проще, легче, выше, веселее», — требовал Завадский...

Мы договорились встретиться. Я купил неплохой чай, какие-то сладости.

— А чашки тоже с собой принес? — поинтересовался актер.

Часа через три возникло предложение выпить что-нибудь «погуще».

После третьей рюмки я позволил себе дурацкий «литературный» вопрос.

— Борис Владимирович, было такое, чтобы снилось что-то «оттуда»... Короче говоря, война снится?

— Нет, у меня после 50-летия Победы эта тема как-то отболела. Отошла. Тут, конечно, дело не в датах... Нет, никогда не снилась. Я просто знаю, что ЭТО было.

— Это знание никогда не вселяло ощущение превосходства?

— Нет, просто знаю и все. Я тебе вот что скажу. Можно, конечно, к этому относиться как угодно... Но я никогда не завидовал. Это правда. Так получилось. Меня не оглушило, я не потерялся. И мне до сих пор все любопытно. Почему вон у тебя диктофон заело, когда, наконец, снег выпадет... Я как-то сообразил, что живу «в премию». Понимаешь? Когда болею, стараюсь никому не мешать. Просто ложусь к стенке и знаю, что все могло кончиться значительно раньше. Лет шестьдесят назад.

Фото из архива Бориса ИВАНОВА

С НАТАЛЬЕЙ СЕРГЕЕВНОЙ В ВЕНЕЦИИ. 2000 Г.

Смейтесь, черт вас возьми!

Татьяна СЕКРИДОВА

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Ее жизненное кредо — смех наперекор всему. О себе она говорит так: «Я шла к себе долго. И ухабисто. Надеюсь, значительную долю страха и расстряниности, отпущеных мне на жизнь, истратила по дороге. Была грузчиком в магазине, слесарем-сборщиком, инженером, учителем, довольно долго занималась умной наукой. За это время научилась кое-каким полезным вещам: печатать на машинке, собирать моторчики, ловить жуликов, топить печь, не делать подлости...»

— В детстве, — вспоминает Алла Ильинична Сурикова, — когда я ревела от боли или обиды, папа показывал мне на белой стене театр теней, и боль проходила. Главной тенью в его спектаклях был Чарли Чаплин. Я даже думала, что Чаплин — это просто папина тень, уж очень здорово у него получалось.

Мои родители всегда старались «идти по солнечной стороне жизни». Да и вообще улыбка — украшение фамильного герба нашей семьи. Мы жили в Киеве, и у меня была удивительная бабушка, за умную, светлову, большую голову близкие прозвали ее Карлом Марксом. Когда я была совсем маленькой, она сильно заболела, и заслуженный доктор Примак сказал, что лучшим лекарством для нее будут 50 граммов черного хлеба и что-нибудь такое, что ее рассмешило бы... Недолго думая, мы взялись за лечение. Как сейчас помню: в ногах у бабушки лежит кот Кузя, а мой отец (он был киноинженером), его брат (он играл тогда в одесском театре) и мы, внуки, поем: гоп-стоп, бабушка здорова, гоп-стоп, кушает компот... И весь этот «концерт» папа записал на магнитофон, чтобы регулярно потчевать бабушку. И она выздоровела. А я твердо усвоила, что смех и веселые розыгрыши — на пользу человеку. А еще у меня осталась непрекращающая страсть к черному хлебу!

Пока мы беседовали в уютной кухне, Алла Ильинична распаковывала хозяйственные сумки, вынимая буханки черного хлеба — для себя, для родителей, для дочери, для студентов...

— Мы действительно жили весело. Хотя, конечно, бывали и ссоры, и конфликты. Да и как было их избежать, если в небольшой трехкомнатной квартире я с мамой и папой, бабушка с дедушкой, с папиной сестрой и ее дочкой, а еще — бабушкина сестра с сыном, невесткой и их ребенком... Но мне тогда казалось, что так и должно быть, всем нелегко — это ведь были послевоенные годы. Мы часами, сменяя друг друга, выставляли в очередь за маслом, за сахаром, за мукой... «Муку дают!» И с шести утра кто-то из семьи уже «танцевал» в подворотне у магазина. В то время как полки этого самого магазина были забиты крабами и икрой... Когда я заболела ревматоидом, меня кормили паюсной икрой. Ох, как она мне тогда надоела!

На праздники к нам приходили бабушкины братья — художник и музыкант, их жены и дети, и, собравшись у рояля в бабушкиной комнате, все пели, разыгрывали друг друга, хохотали... Нам было вместе хорошо и весело. Была у нас даже такая семейная присказка: «А на черта нам чужие». Потом один из своих рассказов так назвала моя подруга Виктория Токарева.

— Выросли в потрясающей эмоциональной, творческой атмосфере! Наверное, и состояние влюбленности вас рано посетило?

— Недавно услышала от Евгения Семеновича Матвеева: «Если я не буду влюблен, я эту влюбленность выдумаю — иначе жить не смогу...» Да, первая влюбленность посетила меня лет в шесть. Его звали Витя, а папа у него работал каким-то начальником в тюрьме. Правда, когда

НА ФЕСТИВАЛЕ В НОВГОРОДЕ. СЛЕВА НАПРАВО: ВЛАДИМИР ИЛЬИН, АЛЕКСЕЙ БУЛДАКОВ, АЛЛА СУРИКОВА, ЮЛИЙ ГУСМАН, ЕВГЕНИЙ ЖАРИКОВ; ЛЕОНID КУРАВЛЕВ И ВСЕВОЛОД ШИЛОВСКИЙ; НИКОЛАЙ КАРАЧЕНЦОВ, АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ И ЛЕОНID ЯРМОЛЬНИК

этот Витя меня поцеловал — мне совсем не понравилось. И я его тут же разлюбила.

Анна Петровна Керн влюблялась до самой смерти. Чем мы хуже? Пушкина на нас нет — выдумаем... Ведь влюблённость с годами никуда не девается. Она имеет удивительное свойство перетекать из одной формы в другую... Я не могу, скажем, не быть влюбленной в сценарий, с которым начинаю работать, в актеров, которых приглашаю в свои картины, — но все это на уровне романтических чувств, очарованности. Физиология ведь приходит и уходит, а истинное очарование в отношениях остается. Свою первую серьезную влюблённость я помню хорошо. Его звали Алик. Это было классе в седьмом. Он был спортсменом и лидером, его любили все в классе.

— Но и вы наверняка заводили были.

— Задним числом, оглядываясь в прошлое, понимаю, что да. Я все время что-то ставила. То спектакль из несчастной жизни американских негров. То молдавский народный танец. То песни Фильки-анархиста из пьесы «Интервенция» о том, что «увесел одесский розыск рассыпает телеграммы, что вся Одесса-мама переполнена з ворами, и что настал критический момент и заедает темный элемент...». А то правильное произношение учителю русского языка, да еще при всем классе. Он мне тогда ответил: «Ну, я тебе, Аллочка, крылышки-то обрежу...» И обрезал. Я должна была окончить школу с золотой медалью. И мне ее обрезали... Поделом.

Вокруг меня всегда крутилось много мальчишек, которые мне-то не очень нравились, а я заглядывалась на того, который был недоступен... С детства не любила доступных мужчин.

КАМИКАДЗЕ В ЮБКЕ

Конечно, выросшая в такой творческой атмосфере, она с детства мечтала о театре. И после восьмого класса поехала в Одессу, в театральное училище. Но не поступать, а на консультацию — оценить себя и свои способности. Выучив басню Михалкова «Рубль и доллар» и монолог Липочки из пьесы Островского «Свои

люди — сочтемся», представила перед профессором Голубинским.

— Мне казалось, я читала с такой самоотверженностью, что не похвалить меня и не напророчить блестящую актерскую карьеру было невозможно. Однако Голубинский глухо откашлялся и, глядя куда-то в сторону, спросил: «Алла, что вы все «шокаете» и «гэкаете»?» И тут же услышал от меня очередное: «Шо?» Он, может, сам того не осознавая, ударили по моему желанию стать артисткой с такой оглушительной силой, что оно, это желание, закувыркалось, покатилось в канаву и стихло... Но зато я стала активно следить за своей речью. И поступила в университет на филологический факультет, и увлеклась серьезной наукой — матлингвистикой. Потом поступала в аспирантуру... во ВГИК — поближе к кинематографу. Но, к счастью, провалилась. Хотя уже были за плечами кандидатские экзамены и хорошо оцененная вступительная работа «К проблеме слова на экране» — о связи матлингвистики, кино и телевидения. А сейчас я благодарна Всевышнему за то, что провалилась тогда, иначе, как человек честный и ответственный, всю жизнь так и прознаменалась бы не любя, но с серьезными намерениями.

Итак, резко порвав с наукой, она пошла «бродить вокруг кино»: работала помощником режиссера, ассистентом — всего понемногу. Понюхала киношного воздуха и заразилась им на всю жизнь. Да так, что ни одного поручения не могла исполнить вполноги, все с полной отдачей. Надо было достать для съемок блюдо старинное, но чтобы не жалко было, когда разобьется, — отыскала завод, на котором точь-в-точь нужное сделали. Надо было пятнадцать узбеков для массовки обеспечить — обеспечила и всех на время съемок в своей малюсенькой квартирке разместила... А потом случай свел ее в поезде с тогдашним директором режиссерских курсов, кинодраматургом Михаилом Маклярским. Разговорились. И все два часа, пока ехали, он отговаривал ее от режиссуры, о которой Алла мечтала уже всерьез.

— Когда мы подъехали к месту назначения, я выпалила, что теперь уж точно буду

поступать на курсы... И услышала в ответ: «Ну что ж — режиссерское решение!..»

И она поступила на Высшие режиссерские курсы на отделение режиссеров детского кино, где художественным руководителем был Георгий Данелия. А педагогами — Быков, Алов и Наумов, Трауберг...

— Еще в студенческую пору я загорелась идеей создания детского юмористического киножурнала наподобие «Фития». На это сподвигнула меня книжка «Чудаки» замечательного детского писателя Олега Григорьева.

Написала по разным высоким инстанциям. Выступала, боролась, доказывала, ходила, уговаривала. Наконец, вызвал меня заместитель председателя Госкино и сказал: «Мы ваше предложение утверждаем. Спасибо». И все. Главным редактором «Ералаша» стал талантливый Александр Хмелик, директором — художник Борис Грачевский. И благодаря им «Ералаш» стал популярнейшим детским киножурналом. Но я уже не имела к нему никакого отношения.

— Обидно?

— В детстве мама говорила, что будет тяжело жить, потому что я чересчур мягкая, обидчивая. Но жизнь и профессия научили быть и достаточно твердой.

— Да уж, в вашей профессии особенно-то не понажишься! Положение обязывает. Наверное, и слова не всегда выбирать приходится...

— Один из моих педагогов, Леонид Захарович Трауберг, внушал нам, что мат — это не ругательство, а «предмет первой необходимости для сохранения режиссерского здоровья». Но я ведь работаю в жанре комедии, а значит, ко всему нужно относиться с юмором и не «собачиться»... Недавно прочла где-то прекрасный афоризм. Беру на вооружение: «Не воспринимайте жизнь слишком серьезно. Все равно из нее живым никто не выйдет». На самом деле комедии делать очень просто: шаг в сторону — не смешно, шаг в другую — пошло, стоишь на месте — расстрел. Одним словом — камикадзе.

— Вот потому, наверное, и говорят, что режиссура — дело не женское...

— Вообще-то я знаю только одно исключительно женское дело — детей ро-

жать. Хотя женщин, снимающих комедии, действительно мало. На мой взгляд, профессия не мужская и не женская, а просто требующая полной отдачи. Мужской, я думаю, режиссуру считают потому, что у мужчины-режиссера есть жена, которая обеспечивает тылы и поддерживает очаг. Женщина-режиссер — сама себе еще и жена... А мне еще «летать охота»... Мне всегда нравилось ощущать себя женщиной...

«СУЕТА СУЕТ»

Это она написала:

«В актере — фокус, на актере — свет.

Все остальное — суета суэт» — и с первых же съемок эти строчки стали ее творческим кредо. Она всегда делает ставку на актера — и выигрывает.

— Алла Ильинична, как вам удалось привлечь уже в первую свою комедию «Суета суэт» целую армию популярнейших актеров?

— Во-первых, был хороший сценарий замечательного комедийного драматурга — Эмиля Брагинского. И я думаю, актеры шли именно на него. Галия Польских, Фрунзик Мкртчян... Леня Куравлев с добрым чувством вспоминает свой небольшой эпизод в этой картине. И Аня Варпаховская, которую я вычислила по фотографии из картотеки киностудии. Мне нужна была женщина в рюшечках и тортиках, по-своему обаятельная, милая и... нахальная. Что-то в ней должно было постоянно раздражать. Я искала большие металлические бусы, которые при каждом шаге будут звенеть. Чтобы ее партнер от этого побрякивания вздрогивал и нервничал. Когда я рассказала Ане о своем замысле, она рассмеялась... Оказалось, у нее дома есть как раз такие бусы с колокольчиками... Зрители настолько серьезно восприняли события фильма, что когда у Ани Варпаховской родился ребенок, соседки по роддому бегали смотреть, не похож ли он на Мкртчяна...

Комедия «Суета суэт» в 1979 году получила приз за режиссуру на фестивале молодых режиссеров в Москве и стала мощным стартом Аллы Суриковой в амплуа режиссера-комедиографа. В 1981 году она сняла «Будьте моим мужем», в 1982-м — «Ищите женщину», в 1985-м — «Искренне ваш», в 1987-м — «Человек с бульвара Капуцинов», в 1989-м — «Две стрелы», в 1991-м — «Чокнутые»...

— Я жутко не люблю сидеть без дела и по натуре своей трудоголик. Но... с 1991 по 1995-й прошло долгих четыре года. Четыре года я искала деньги, сценарии, себя. Не одна я, конечно. Тогда, в первой половине девяностых, в схожем положении оказались многие режиссеры. Проекты начинались и лопались. Картины запускались и останавливались. Деньги находились и испарялись. Лицо я успела сделать пробы к шести игровым фильмам — и ни одной не сняла: к мелодраме «Екатерина и Александр. Хроника любви и смерти», к мюзиклу «А вот и я», к новогодней сказке «Только раз бывает в жизни встреча», к китайско-российской мыльной опере «Сотворение любви», к лирической комедии «Кенигсбергский роман» и снятой вместо меня другим режиссером картине «Вместо меня»...

В фильме Милоша Формана «Кто-то пролетел над гнездом кукушки» герой пытается поднять огромный камень, но у него не получается... Он говорит: «Ну, не поднял, так хоть попробовал!» И это состояние сильнее, чем поднять. На «поднять» кто-то что-то дает. На «попробовать» ты выходишь один. Потом из «Детектив-клуба», Эдик Саркисьянц, подарил мне небольшую цифровую камеру, и я вместе с замечательным оператором Владимиром Нахабцевым, который тоже сидел без дела, на чистом энтузиазме, без денег сняла документальный фильм о Никите Богословском. Кира Прошутинская помогла снять документальный фильм «Фарфоровая затея» о скульпторе Асте Брежецкой, Саша Шкодо — о фокуснике Рафаэле Циталашвили «Дайте чуду шанс»...

— Так вот почему вам удалось выиграть грант Фонда Сороса — у вас уже была «документальная» практика.

— Придуманная мною в то «неигровое» время киноидея совпала с программой

поддержки провинциальных музеев Фондом Сороса. Я начала ее осуществлять со своими студентами в режиссерской мастерской ВИППК (Всероссийского института переподготовки и повышения квалификации). — Т.С.). Потому что студенты — это завтра. И я не понимаю другого способа туда войти, кроме как рука об руку с молодыми. Вместе мы создали студию «Позитив-фильм» с полным самоуправлением. Студенты сами директорствуют, составляют сметы, приглашают и других студентов снимать кино. И в рамках проекта они сняли «Рюрик и его Шелтозеро» о вепсах — маленьком древнем народе, поселившемся в Карелии много веков назад, «Музей, который мы выбираем» о музее в Тольятти, «Обратная сторона земли» о музее в Вельске, «Рыбинские портреты» и другие. Всего семь фильмов. Жаль только, что действует этот грант лишь один год. А у ребят еще столько интересных замыслов! И сейчас они с трепетом ждут решения о господдержке и очень надеются, что российское культурное наследие нужно не только Фонду Сороса, но и нам самим. Ведь духовное обогащение дорого стоит!

— Вы о чем-нибудь жалеете?

— Да вот смотрю я на своих студентов и думаю: жаль, что поздновато я начала снимать кино. Сейчас столько идей, столько замыслов — а жизни не хватает...

— Да что сотовать: у вас десять больших картин плюс десять коротких плюс новых десять серий и уже звание народной артистки России получили... Кстати, многие режиссеры не забывают сниматься в своих картинах. А вы?

— До сих пор я только озвучивала животных в своих фильмах: козу в картинах «Чокнутые» и «Дети понедельника», попугая в «Человеке с бульвара Капуцинов», правда, там же озвучила еще и одну человеческую роль — девицу из салуна «Бешеный Бизон». Но, коли уж при-

своили мне звание народной артистки — ведь звания «народный режиссер» в «таблице о рангах» не предусмотрено, — придется как-то оправдывать, сыграть в каком-нибудь эпизодике.

«БУДЬТЕ МОИМ МУЖЕМ»

— Алла Ильинична, а с режиссурой личной жизни вы так же умело справляетесь, как с кино?

— Если не справлялась, то писала стихи: «Мой падеж... Мое склонение... Мое правило без исключения...

Думаю о ком — о тебе. Живу кем — тобой. Хочу кого — тебя. Молюсь кому — тебе. Боюсь кого — тебя. Кто — Ты!

Мой падеж... Мое склонение... Мое правило без исключения...

Алла Сурикова трижды замужем. Ее мужья дружат между собой, причем первый и третий живут в США. Третий не смог приехать на ее юбилей — приспал первого... И о всех троих она отзывается с нежностью, потому что первый подарил дочь, второй — «философский камень», третий — веру в себя.

— Мой первый брак случился в ранней молодости. Встречалась я с прекрасным парнем. Поженились, родилась дочка. А потом стала понимать, что люди мы разные. Расстались друзьями. И я даже рада, что так получилось, потому что, пожив в одиночестве, я почувствовала все преимущества свободы: свободы выбора, поиска себя — научилась на себя опираться, с себя требовать и в чем-то себе, любимой, потакать... А потом снова вышла замуж и пожила с мужем какое-то время в Киеве. До тех пор, пока между нами не всталла работа: мне нечего было делать на Украине, а ему — в Москве. И я снова «уплыла» в поисках идеала.

— И в чем же для вас этот идеал?

— В идеале для меня семейная жизнь — это плавание параллельным курсом. Мне

сложно жить постоянно вместе: я ведь все время нахожусь среди большого количества людей, причем каждого в этой массе должна видеть и с каждым себя соотносить. Поэтому дома жизненно необходимо иметь возможность оставаться одной. И мне в этом состоянии бывает очень даже неплохо: усядемся рядышком — я, мое одиночество, муки творчества, радости и сомнения, терзания и угрызения — и вот такой уютнейкой компанией — о том о сем начистоту...

— Как ваши мужья выдерживали этот график творческого безумства? Ведь работа в кино сопряжена еще и с длительными командировками...

— То, что виделись редко, так это недостаток, переходящий при определенных обстоятельствах в достоинство, — только нежные слова, только взаимное уважение и только теплое ожидание встречи. И никаких тебе упреков: «Почему поесть не сварила?» или «Почему не принес?»

Конечно, с женщиной-режиссером жить труднее, чем с нормальной женщиной, у которой все подчинено семье, домашнему уюту и сохранению очага. Мой очаг — кинематограф. Хотя третий муж, Алик, в некотором роде разделял эту мою страсть и помогал во всем. Он в этом плане почти идеален, с ним вместе можно молчать днями, потому что каждому из нас есть о чем помолчать. Мы встретились, когда я снимала «Человека с бульвара Капуцинов». И он отправился ухаживать за мной на съемки — и как кино-, видеоЭнженер помогал мне профессионально и очень трогательно обо мне заботился. Андрей Александрович Миронов тогда сказал мне: «Если вы, Алла, не выйдете за него замуж, я на нем женюсь».

— А ревность у мужей никогда не возникала? Ведь вы всегда в окружении обаятельных и популярных мужчин.

— Нужно ко всему относиться с юмором, тогда и лишних вопросов не будет. Мне действительно очень нравятся компании веселых и остроумных мужчин, но и аналогичные компании женщин. Вообще люблю хорошие компании.

— Ну а как же режиссерские дети, которые растут вдали от маминой любви и ласки?

— Моя дочь в основном жила с моими родителями. Естественно, скучала, ждала, пока я снимала один большой фильм, потом второй, третий... А ей хотелось общаться. И я предложила ей, пока меня нет, вести дневник. Писать все, что бы она хотела мне рассказать сегодня, чтобы мы вместе могли прочитать это завтра. Может быть, именно с этого и началось ее вдумчивое отношение к слову... Она начала писать стихи. Вот, например, лет в двенадцать — тринадцать она написала такие строчки: «Тропинки сходятся в снегу, сдвигая белые колени, И пальцы веток занемели, и я согреть их не могу...» Или: «А ночью странное на ум пришло: заснуло сердце и проснулось резко. И всколыхнулась ветром занавеска...» — ну и так далее. А сейчас ее рассказы печатают красивые толстые журналы. А в «Америке» Киру назвали даже основоположницей психологического реализма.

— Ну хорошо, с личными мужьями и жизнью разобрались. Давайте вернемся к творчеству. У вас есть замечательная картина «Будьте моим мужем», в которой у вас впервые снялся Андрей Миронов. Расскажите, пожалуйста, как начинался ваш творческий альянс.

— Андрей долго отказывался от роли в фильме «Будьте моим мужем» — сценарий ему не очень нравился. А я понимала, что без Андрея фильм не получится. Вместе с автором, Эдиком Акоповым, мы переделали сценарий. Специально под гастроли Андрея в Сочи я повезла съемочную группу, и... он согласился. Потом сказал: «Просто вы умели ждать, как никто другой!» Актрисы мы с Андреем утверждали вместе: я показала ему все пробы и предоставила возможность выбора. Он остановился на Елене Прокловой. Между этими двумя актерами возникло некое чувственное натяжение, доверие, интерес, даже, если хотите, атмосфера «теоретического секса»...

— Я не могу не спросить вас про книгу Татьяны Егоровой...

— До того, как она попала в мои руки, я уже с разных сторон от друзей и знакомых

«ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА КАПУЦИНОВ». С КАСКАДЕРОМ АЛЕКСАНДРОМ ИНШАКОВЫМ И АНДРЕЕМ МИРОНОВЫМ.

мых слышала о ней неприятные отзывы. Я ведь познакомилась с Андреем достаточно поздно, первую картину с ним снимала в 1981 году – «Будьте моим мужем», а вторую – «Человек с бульвара Капуцинов» – в 1987 году... И я не была его душеприказчиком, и своими интимными переживаниями он со мной не делился. Поэтому ничего из этой книги я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Когда снимали «Человека с бульвара Капуцинов», в жаркие дни устраивали довольно долгий перерыв, чтобы вся съемочная группа могла несколько часов провести у моря, поплавать и расслабиться. И мы с Андреем иногда, гуляя по берегу моря, вели разные некиношные разговоры. В том числе о женщинах и о любви. Он говорил много о Ларисе, о том, как хорошо им вместе, как он ценит свою жену. А потом как-то полуслучаю сказал о том, что все женщины, которых он любил в своей жизни, внешне чем-то похожи на маму – Марии Владимировну.

Что же касается содержания той книги, я считаю, что о своей жизни каждый вполне писать все, что угодно. Об известных же и популярных людях, с которыми сводила жизнь, надо высказываться корректнее. И свои обиды не «сливать» на публичное обозрение. В свое время вышел замечательный сборник об Андрее Миронове, где была и глава, написанная Татьяной. Вот там она блеснула и хорошим литературным стилем, и образным языком. Мне кажется, была бы жива сейчас Мария Владимировна, Татьяна не рискнула бы печатать свою книгу в таком виде...

– Каким был Андрей в киноэкспедициях?

– Вы знаете, все, что бы Андрей ни делал, он делал талантливо и сверкающе! Он относился к категории людей, которые излучают свет. И это было такое счастье, когда он приезжал на съемочную площадку! Даже если в то время Андрей сам не снимался, он всегда был рядом. Ведь в нем жил уже не только актер, но и режиссер! Я люблю его спектакль «Прощай, конферанс» по пьесе Григория Горина, который он поставил на сцене Театра сатиры. Там есть очень точный и горький образ: девочка без чувства юмора, которую прекрасно сыграла Светлана Рябова. По ходу пьесы чувство это в ней проклевывается, взрастает...

Я не перестаю повторять: нужно воспитывать в людях чувство юмора с малых лет! Нужно больше с детьми шутить, водить на смешное кино, водить на комедии в театре. Более того, нужны специальные уроки смешного, которые проводили бы люди с хорошо развитым чувством юмора.

«ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА КАПУЦИНОВ»

Сценарий Эдуарда Акопова пролежал на «Мосфильме» лет пять. Его не решались снимать – легкая, ироничная фантазия в стиле вестерн, в которой ни одного лозунга. Алла Ильинична утверждает, что картина началась для нее с того момента, когда она твердо решила, что мистера Феста, желавшего переустроить мир с помощью «синема», будет играть только Андрей Миронов!

Кстати, об этом же говорил и сам Андрей Александрович в одном из своих последних интервью: «Занятый по горло, я не мог отказаться от роли Феста в фильме Суриковой. И потому, что мы с ней работали над фильмом «Будьте моим мужем», и из-за... благородной идеи, характера героя. Что-то меня сразу подкупило в Фесте, подружило с ним. И то, что он по-своему Дон Кихот, и то, что, если можно так сказать, он не просто чудак, а очень своеобразный счастливый неудачник или неудачный счастливец...»

С АРМЕНОМ ДЖИГАРХАНЯНОМ НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА «ИСКРЕННЕ ВАШ»

– Самого главного не сказал в этом интервью Андрюша: он играл вдохновенно, весело, страстно... самого себя! Только в фильме мистер Фест оживает, после того как его убивает Черный Джек, а Андрей умер по-настоящему...

– Вы видели когда-нибудь Андрея унылым, удрученным?

– Вообще, как говорила Мария Владимировна, Андрей – веселый актер с грустными глазами. И в «Человеке с бульвара Капуцинов» его герой достаточно грустный. Его то бьют по голове, то пинают, то друзья предают... А он, не сгибаясь, идет, так же как и Андрей всю свою жизнь.

В последний раз мы виделись с Андреем за обедом в юрмальском санатории Яун Кемери. За несколько часов до отъезда в Ригу на спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро». «Фигаро» он не доиграл и в санатории уже не вернулся... А из нашей картины выпал эпизод, где Джонни Фест грустно и насмешливо поет песенку о неудавшейся любви: «Каждому свое: тебе – забава, мне – мученье, а время лечит только тех, кто болен не смертельно...»

Фильм Аллы Суриковой «Человек с бульвара Капуцинов» получил в 1987 году главный приз на III Международном фестивале «Женщины в кино» на родине вестерна, в Лос-Анджелесе.

«ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА»

– На телекранах появился ваш телесериал «Идеальная пара» с Александром Балуевым и Аллой Ключкой в главных ролях, а также с Николаем Каракенцовым, Сергеем Никоненко, Лidiей Федосеевой-Шукшиной, Алексеем Булдаковым и другими. Насколько известно, кинорежиссеры относятся к подобной сфере деятельности несколько пренебрежительно. А почему вы взялись за эту работу?

– Я пришла к продюсеру Владимиру Досталю со сценарием, который мне нравился. Он тут же ответил, что на кино сейчас нет денег. И предложил десятисерийный детектив по сценарию Алексея

сандра Лапшина «Идеальная пара». Но я бы не назвала эту историю чистой воды детективом – скорее, она в жанре иронической авантюры. А это уже ближе... теплее...

– Что-то новое в этой работе вы для себя открыли?

– Да. Сериал – это для меня эксперимент. Эксперимент на выживание и самоутверждение.

– Почему?

– Это работа на износ – двадцать четыре часа в сутки. Сроки очень сжаты, а деньги «сжаты» еще больше. Мой оператор Гриша Беленский шутит, что сильно брать в голову эту работу нельзя, ведь сериалы обычно делаются как прокладки для прокладок – то бишь как основа для рекламы. Но я-то не имею права делать сериал ниже своего уровня... И наша работа, как утверждают первые его зрители – звукоформители, смотрится как полноценное кино. Значит, двадцать четыре часа в сутки – не зря.

«ОТ УЛЫБКИ СТАНЕТ ВСЕМ СВЕТЛЕЙ»

Алла Сурикова считает, что когда люди смеются, они становятся добре. А врачи утверждают, что смех насыщает легкие кислородом и очищает кровь.

– Мне кажется, многие наши беды происходят из-за нашей нетерпимости, недостатка самоиронии и непреодолимого желания во что бы то ни стало поднять заднюю ногу над кустом товарища... Если бы мне предложили создать свою партию, я бы собрала в нее людей, умеющих идти на компромиссы. Компромисс – высокое искусство уважения к чужому взгляду на твоё «добрь».

– А как вы рисковали взяться за такую глыбу, как фестиваль в Новгороде, и главное – осилить его?

– Несколько лет назад в Краснодаре начинался фестиваль комедии. И я была к нему причастна. Но фестиваль не имел государственного статуса, не получал бюджетных денег. А потом вообще исчез в

тени «Киношока». Стало обидно. Комедия – самый истинный и искренний жанр. Я уверена, что истерзанной и измученной российской душе нужна вера в судьбу, «Фортуну», в добро, а не «матовое» кино, где потрапанная женщина спит с сыном подруги, а мать насилияет жениха дочери... Захотелось создать фестиваль, на котором комедию холили бы и лелеяли. Даже не фестиваль, а кинопраздник комедии – так будет точнее, потому что здесь не должно быть каверзного жюри, но должны отмечаться грамотами все картины-участники, а призами нужно удостаивать зрителей, например, за самый остроумный и смешной сюжет для сценария будущего фильма. И на первом презентационном фестивале мы вручали свой главный приз «Кровое зеркало» за все работы в жанре, за все, что сделали в комедийном кинематографе Георгий Данелия, Эльдар Рязанов, Леонид Куравлев, Виктория Токарева и Наталья Крачковская. И только два приза мы вручили Саше Абдулову и Любке Полищук – за их прикосновение к комедиям, приехавшим на фестиваль.

Какое будущее у нашего фестиваля, пока сказать затрудняюсь, потому что первый дался немалыми потом и кровью на совсем крошечные средства. А праздничник комедии должен проходить легко и весело. Для этого нужны приличные материальные затраты, в том числе и бюджетные.

Во времена Великой депрессии в Соединенных Штатах президент Рузвельт бросил в сердцах американцев: «Смейтесь, черт вас возьми!..» И Голливуд одну за другой принял выпускать комедии. А страна семимильными шагами рванула к своему процветанию. Раз уж мы так любим оглядываться на Америку, может, и этому стоит у них поучиться, пока у нас еще остались силы смеяться!

Фото из семейного архива
Аллы СУРИКОВОЙ

Интервью 2001 года

РЕКЛАМА

№ 10/353
ОКТЯБРЬ 2018

Последние дни Лондонграда

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРОГНОЗ ЭКСПЕРТА

РОССИЯ УМИРАЕТ

В ПРОДАЖЕ

САНКЦИИ В ДЕЙСТВИИ. ЧТО ЖДЕТ РОССИЯ В БРИТАНИИ

БЮДЖЕТ-2019. ЧТО НАПИСАЛИ ПОД ДИКТОВКУ МВФ

СГОВОР. 80 ЛЕТ НАЗАД БЫЛО ПОДПИСАНО МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

ЩИТ И МЕЧ УКРАИНЫ. ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ОПК ЗА 2017 ГОД

Свідоцтво про держреєстрацію Серія КВ, № 18953-7743ПР від 02.03.2012р.

Спецвипуск «Секреты истории»

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

КРОВАВОЕ ЗОЛОТО

РЕКЛАМА

СЛУХАЙ, ЩОБ ЗНАТИ

ГОЛОС СТОЛИЦІ 106^{FM}